

Глава IV КОЛОНИЗАЦИЯ И ОБЩЕСТВО

IV.1. Принципы основания и формирования колоний

Один из крупнейших исследователей селевкидской колонизации, Г. Коэн, в своей работе, посвященной данной проблеме, писал: «империя Селевкидов была настолько обширной, что существенной проблемой ее было управление и руководство этим пространством. Выход из такой ситуации частично заключался в рассеивании многочисленных колоний на всем протяжении империи»¹. Безусловно, поддержание внутреннего порядка было одной из основных целей Селевка I, который основал большинство селевкидских колоний. Первоначально все колонии Селевка были военными поселениями (ἡ κατοικία)². Как у Александра, в них селились в первую очередь отставные солдаты или наемники. Они составляли гарнизон крепости – ядро новой колонии. Такое поселение чаще всего располагалось на важных торговых путях, в пограничных или

¹ *Cohen G.M.* The Seleucid Colonies. Wiesbaden, 1978. P. 29.

² Поскольку сам термин κατοικία, т. е. «поселение», неоднозначен, нет полной уверенности, что он обозначал именно военное поселение. (См. *Cohen G.M.* ΚΑΤΟΙΚΙΑΙ, ΚΑΤΟΙΚΟΙ and Macedonians in Asia Minor // *AncSoc.* 1991. 22. P. 41–50; *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. С. 95–99). Однако применительно к раннеэллинистическому периоду слово κάτοικος употребляется в значении поселенца именно военной колонии.

нестабильных регионах³. В самых крупных из них находились органы местной власти, осуществлявшие административный контроль. Другой целью создания сети колоний стала необходимость развития товарно-денежных отношений, расширение зоны денежного оборота и торговли. Постепенно разрастаясь, некоторые поселения, такие как Селевкия на Тигре, Антиохия на Оронте или Ай-Ханум, становились не просто административными и экономическими центрами, но крупными торговыми и ремесленными городами. В них организовывались монетные дворы, обеспечивавшие деньгами ближайшие территории. Однако экономическая сторона колониальной политики проявилась не сразу. Изначально колонии основывались только для поддержания порядка и, только после 301 года, с завоеванием Сирии, вновь основанные поселения приобрели, кроме охранной, еще и экономические функции. Так, Селевкия в Пиерии была основана на Средиземном море как торговая фактория, своеобразное «окно в Европу» для Селевка I. Не стоит забывать еще и об идеологической функции колонизации. Появление первой столицы Селевка Селевкии на Тигре, безусловно, связано с идеологическими процессами, сопровождающими принятие им царского титула.

Многие селевкидские поселения были выведены рядом или же непосредственно в старые города или деревни. Основание колонии таким способом заключалось в расположении в городе гарнизона и представителей администрации. Такая практика использовалась Селевкидами довольно долго. К тому же, использовать инфраструктуру и коммуникации уже существующего города в каком-то смысле было не таким накладным

³ Например, крепость Пандахеон (Кампыртепа) на переправе через Окс (Амударья) в Средней Азии. В нач. III в. до н. э., вероятно, во время экспедиции Демодама, Пандахеон был перестроен и укреплен, что показывает определенный интерес соправителя Антиоха к данному стратегическому пункту. См. *Болелов С.Б.* Кампыртепа-Пандахеон в эпоху эллинизма // ВДИ. № 4. 2011. С. 29–48.

занятием, как постройка новых. По данному примеру была выведена колония в Иерусалиме при Антиохе IV, где греческий гарнизон располагался в укрепленной цитадели – Акре. И все же значительная часть поселений, в особенности мелких, возникла *ex nihilo*. Иногда македонские колонии вырастали на месте старых иранских колоний ахеменидского времени. В таком случае старое поселение не исчезало, а скорее вливалось в новое⁴.

Ответственность за основание колонии лежала на местных властях (ср. OGIS 229), а иногда при основании поселения присутствовал и сам царь Селевк. Выбор места для новой колонии был, конечно же, неслучайным. Кроме необходимого для постройки фортификационных сооружений ландшафта, новые поселения нуждались в регулярных поставках продовольствия, поэтому основным требованием было наличие плодородных окрестных территорий. Это условие особенно подчеркивалось П. Брианом, утверждавшим, что наличие обрабатываемых земель влекло за собой в конечном итоге илотизацию местного населения, которое должно было работать на этих землях для содержания колонии⁵. Особая категория зависимого населения – λαοί – являлась доступным источником рабочей силы. Местные жители могли быть заняты и на строительных работах. Селевк при постройке Антиохии также предпочитал использовать именно местное население (*Lib. Orat.* 11. 89)⁶. При этом все население рассматривалось как покоренное.

Иногда для возведения колоний прибегали даже к массовым переселениям, которые нужны были, скорее, не для заполнения городского пространства новыми жителями, а именно для

⁴ Briant P. Les iraniens d'Asie Mineure après la chute de l'empire Achéménide // DHA. 1985. P. 173.

⁵ Briant P. Colonisation hellénistique I. P. 60–64, 80–82.

⁶ Хотя Либаний не уточняет откуда взялись плотники или слуги тем не менее вполне можно согласиться с мнением Г. Коэна, что они были жителями окрестностей. Cohen G.M. The Seleucid Colonies. P. 25.

строительства. Одновременно это переселение проводилась с целью профилактики антимакедонских восстаний. К такой практике прибегал Александр⁷, но проводил ли подобную политику Селевк? Существует достаточно противоречивое свидетельство Павсания (I. 16. 3), что Селевк после основания Селевкии на Тигре переселил туда часть населения Вавилона. Из вавилонской хроники (ВСНР 5. rev. 6–11) становится известно, что Антиох, будучи соправителем, переселил из Вавилона в Селевкию именно македонян, которые жили здесь со времени Александра. Однако нет полной уверенности, что сюда не были переселены также и вавилоняне. По крайней мере, известны периодические перемещения вавилонян в Селевкию (ADRTB –273. 35–36) и после Селевка. Если учесть, что вавилонская аристократия была против постройки Селевкии (App. *Syr.* 58), то, возможно, наше предположение окажется верным. Расселению подверглась и Антигония – столица государства Антигона⁸. Ни один из авторов, свидетельствующих о переселении жителей города Селевком (Strabo. XVI. 2. 4; Lib. *Orat.* 11. 92; Malala. VIII. 90–93; Diod. XX. 47. 6), не упоминает местное население, говоря только о македонянах и греках. Между тем логично предположить, что вместе с греко-македонянами в Антиохию и Селевкию в Пиерии было перемещено и туземное население.

Кроме использования труда местных жителей, колонисты задействовали собственных рабов. Государство должно было

⁷ П. Бриан приводит пример основанной Александром Александрии на Яксарте, в которую были переселены жители соседних городов, основанных еще Киром (Iust. XII. 5. 12), поднявших восстание против македонян (Арг. *Anab.* IV. II–III). Таким образом, все захваченные в плен местные жители были переселены на новое поселение. Бриан вполне обоснованно полагает, что все они были задействованы либо на сельскохозяйственных, либо на строительных работах в Александрии. См. *Briant P. Colonisation hellénistique I. P. 75–76.*

⁸ *Cohen G.M. The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa. Berkley–Los Angeles–London, 2006. P. 76.*

обеспечить новую колонию всем необходимым строительным материалом: камнем, древесиной, железом и т.д. Если учесть, что все колонии Селевка изначально были военными и селились в них отставные военнотружущие, то можно предположить, что все необходимое для постройки и обустройства поселения выделялось из резервов войска. Помимо этого, новым поселениям предоставлялись налоговые льготы на определенное время.

Каждый колонист получал рядом с поселением земельный участок (ὁ κλήρος). Этот надел становился для него и его семьи первейшим средством существования на ближайшие годы. Наличие клера подчеркивало также и социальное положение поселенца. Позднейшие колонисты, не участвовавшие в постройке поселения, не получали эти участки. В надписи из Паламагнезии (OGIS 229) они названы ἀκλήρουχοι⁹. Участки выделялись из царского земельного фонда, т. е. из χώρα βασιλική. В царскую землю, теоретически, могли входить любые территории, принадлежавшие в период Ахеменидов или диадохов храму, городу или частному лицу, т. к. формирование χώρα βασιλική фактически связано с «правом копья», по которому вся завоеванная территория принадлежала новому царю. Чаще всего Селевк сохранял за городами и храмами их землевладения. Таким образом, поселенцы новых колоний могли получить богатые земли, ранее принадлежавшие какому-нибудь собственнику. Распределением земель занимались местные власти. Контроль над этим осуществлял особый чиновник – клерух (ὁ κλήρουχος). Кроме земельного надела, каждый поселенец получал участок в самой колонии, предназначенный для постройки дома. Размер получаемого надела мог зависеть от множества факторов: качества земли, ее удаленности от поселения, армейской должности, занимаемой будущим владельцем.

⁹ Вполне возможно, что последующими поселенцами были купцы или торговцы, которые не нуждались в этих участках. См. *Cohen G.M. The Seleucid Colonies.* P. 46.

Колонисты были воинами, поэтому социальное положение в колонии соответствовало их воинскому званию. В целом, все поселенцы составляли большую общину. Командиры, возможно, были первыми магистратами, а стратег – главой колонии. Община имела свою канцелярию и казначейство, а также более мелких выборных чиновников. В колонии существовало свое народное собрание (ἡ ἐκκλησία). Оно встречается в повествовании Плутарха (*Dem.* 38), где Селевк произносит речь в честь бракосочетания Антиоха и Стратоники. По версии же Аппиана (*Сур.* 61), Селевк держал слово перед войском (στρατιά). Если предположить, что эти события имели место в военной колонии, то обе версии сливаются: членами народного собрания военной колонии, конечно же, были воины. По контексту становится понятно, что действие происходило либо в Селевкии в Пиерии, либо в Антиохии на Оронте, из чего следует, что один из этих городов первоначально мог быть военной колонией.

Этнический состав колонии определить достаточно сложно. Необходимо отметить, что основными поселенцами, т. е. землевладельцами, были исключительно греко-македоняне. Но стоит обратиться к данным топонимики: в некоторых случаях мы действительно можем предположить этническую принадлежность поселенцев, основываясь на названиях колоний. Короткое замечание Диодора (XXXIII. 4а), что сирийское поселение Ларриса населяли фессалийские всадники, выходцы из Ларрисы, столицы Фессалии, возможно оправдывает такой подход. Из списка топонимов поселений, основанных Селевком, приведенного у Аппиана (*Сур.* 57), можно выделить македонские (Бероя, Эдесса, Пела, Эвропос, Амфиполь, Аретуса), фракийские (Перинф, Маронея, Каллиополь, Аполлония?), аркадские (Тегея, Герея), греческие (Ахейя, Астак, Халкида) и фессалийские (Ларриса). Возможно предположить, что милетские наемники, которые под предводительством Демодама участвовали в походе в скифские земли, поселились в Александрии Эсхате, ставшей после восстановления Антиохией Скифской.

Социальное разделение первоначально соответствовало этническому. Сегрегация – один из принципов формирования нового городского пространства¹⁰. Греко-македонский костяк колонистов обособлялся от местного населения, что в принципе было естественным и, как кажется, поддерживалось государством. В документе из Урука, датирующемся 300–285 гг. до н. э. (SATHSM 1), некий гарант сделки при продаже раба должен подтвердить, что раб не состоит в царской кавалерии, колесничих или на иной службе. Безусловно, на службе в царской армии мог состоять не только грек или македонянин, однако, учитывая время появления документа и вероятность прецедентов, можно предположить, что речь идет именно о солдатах гарнизона¹¹. П. Бриант связывает такое обособление с рождением греко-македонского «доминирующего этно-класса»¹², проводя тем самым параллель с «этно-классом» персидским. «Доминирующий этно-класс» – это социальная группа, принадлежность к которой определяется по этническому признаку. Представители «доминирующего этно-класса» занимают все ключевые должности в государстве: при царском дворе, в администрации, в армии¹³. Так, представителями «этно-класса» в персидской империи были иранцы, а позднее, в эллинисти-

¹⁰ Briant P. Colonisation hellénistique I. P. 88–89.

¹¹ Ср. документ 297 г. до н. э., приведенный Г.Х. Саркисян. См. Саркисян Г.Х. Частные клинописные контракты. С. 139–142.

¹² «С территориальной сегрегацией были связаны социально-экономическое доминирование и политическая монополия. Отношение господствующий/подчиненный здесь смешиваются с отношением греки/местные и даже, по большей части, с отношением город/деревня. Иными словами, города и поселения, в общем, представляют фундаментальный элемент новых классовых отношений, которые подразумевают завоевание и греко-македонскую колонизацию: это рождение доминирующего этно-класса». (Briant P. Colonisation hellénistique I. P. 92).

¹³ Ma J. Kings // A Companion to the Hellenistic World / Ed. by A. Erskine. Oxford, 2005. P. 187.

ческий период – греко-македоняне. Несмотря на сегрегацию, «доминирующий этно-класс», как персидский, так и греко-македонский, находился в постоянных взаимных контактах с местными элитами¹⁴, что в первом случае вело к «варваризации» или, лучше сказать, «персиизации», а во втором – к «эллинизации» местного населения. В социальном плане греки и македоняне представляли собой «верхушку» колонии. Конечно, можно предположить, что изредка в нее входили представители туземной знати, однако они предпочитали жить больше не в новых колониях, а в старых городах.

В этом свете хотелось бы кратко прокомментировать одно довольно устоявшееся в отечественной историографии мнение, высказанное Г.А. Кошеленко¹⁵, согласно которому колонии Александра были основаны как поселения неполисного статуса со смешанным (не только греко-македонским) в правовом отношении населением. Эти два аспекта градостроительной политики Александра не были восприняты Селевкидами. Безусловно, формирование полисной системы в македонских колониях Александра в Средней Азии – дело рук Антиоха I. Однако факт слияния греко-македонского элемента с туземным в колониях, пусть даже и неполисного типа, вызывает все же некоторые сомнения. Идеологическая предпосылка сегрегации греко-македонян, их отношение к покоренным народам Востока достаточно хорошо представлена Г.А. Кошеленко, который приводит яркие примеры в первую очередь из Аристотеля и Исократ¹⁶. Как кажется, эти идеи, транслировавшие

¹⁴ «Наряду с тем, культурный раскол между доминирующим этно-классом и покоренным населением не сохранился, на протяжении истории существовала близость контактов между локальными элитами и персидскими семьями, часто укоренявшимися в страну на протяжении нескольких поколений». *Briant P. Pouvoir central et polycentrisme culturel dans l'empire Achéménide // AchHist. I. 1987. P. 16.*

¹⁵ *Кошеленко Г.А. Греческий полис. С. 214, 220–221.*

¹⁶ *Кошеленко Г.А. Греческий полис. С. 207–211.*

общие эллинские настроения, не были в полной мере присущи Александру. Тем не менее говорить о «смешивании» народов не приходится. Невозможно представить, что греки и македоняне, разумеется чувствовавшие себя победителями, селились в близком соседстве с коренным населением. Таким образом, топографическая сегрегация колоний явно существовала. Более того, военные колонии предполагают компактное поселение греческого гарнизона. «Подселение» местного населения в колонию может объясняться простой причиной – необходимостью задействовать людской и материальный ресурс для основания и развития колонии.

Хронологически колонизационную политику Селевка I условно можно разделить на два этапа: до 301 г. и после. На первом колонизация не представляла собой активного процесса. Колонии появлялись в основном в пограничных зонах. Исключение составляет лишь Селевкия на Тигре. Основанные поселения росли медленно, т. к. постоянного притока колонистов из Европы не было. Второй этап, наоборот, связан с постоянными миграционными волнами из Македонии, материковой и островной Греции. Выход к морю, который был получен с присоединением Сирии, обеспечил непрерывные миграционные потоки, и в первую очередь наемников. «Земельное голодание», которое испытывали жители этих регионов, могло восполниться на Востоке. Определенную роль сыграл и кризис полисной системы. После 301 г. Селевком основывается большинство из его колоний.

IV.2. Основные колонии Селевка I

Согласно Аппиану (*Сур.* 57), за весь период своего правления Селевк основал более чем 59 поселений, Иоанн Малала (VIII. 75) пишет о 75 городах. Однако не все колонии, построенные в период правления Селевка, стали крупными и хорошо развитыми городами. О многих из них практически ничего неиз-

вестно, другие же, такие как Селевкия на Тигре или Антиохия на Оронте, просуществовав не одну сотню лет, стали важными экономическими, политическими и культурными центрами древнего мира. Мы рассмотрим историю основания и раннего развития важнейших из этих поселений.

Одной из первых колоний Селевка была Дура-Эвропос, основанная сразу же после окончания войны с Антигоном на границе двух государств¹⁷. Название Эвропос напоминает о родном городе Селевка. В одном из папирусов римского времени (PDura 32) это поселение названо колонией Селевка Никатора (ἐν Κολωνείᾳ Εὐρωπαϊῶν Σελευ Νεικάτορος). Дура-Эвропос была обычной военной колонией. Она расположена на берегу Евфрата на дороге из Антиохии на Оронте в Селевкию на Тигре. Новые археологические данные позволяют утверждать, что первоначально в Дуре была создана крепость с ограниченной периферийной зоной. Появление крепостных стен П. Лериш относит только к середине II в. до н. э., таким образом, утверждая, что полтора столетия Дура оставалась военным поселением¹⁸. Из «дорожника» Исидора Харакского (FGrHist. 781. F. 1) известно, что город основали македоняне, во главе которых стоял некто Никанор. Окончательно не установлено, кем являлся этот человек, но можно отождествить его с упомянутым Иоанном Малалой (VIII. 26) племянником Селевка¹⁹, а также с Никанором из текста Плиния (*NH*. VI. 30), обозначенным как *praefectus Mesopotamiae*. Так или иначе, Дура-

¹⁷ Здесь мы разделяем точку зрения Дж. Грейнджера (*Grainger J. A Seleucid Prosopography*. P. 54), который в свою очередь опирается на авторитет М.И. Ростовцева.

¹⁸ *Leriche P. Europos-Dura hellénistique // TOPOI. Suppl. 4. 2003. P. 117. См. Лериш П. Дура-Европос: итоги работ франко-сирийской экспедиции (1986–2001) // Парфянский выстрел. М., 2003. С. 302–303; Leriche P. Europos-Dura séleucide // *Electrum* / Ed. by E. Dabrowa. Vol. 18. 2011. P. 23–40.*

¹⁹ Ср. *Cohen G.M. The Hellenistic Settlement in Syria*. P. 163.

Эвропос стала впоследствии одним из крупнейших городов в регионе, однако расцвет ее пришелся уже на парфянский и римский период.

Примерно в то же самое время Селевк основывает свою первую столицу – Селевкию на Тигре. Вавилония при Селевке оставалась политическим и экономическим центром государства и появление столицы именно в этом регионе говорит о геополитическом континуитете между государством Селевка и державами ближнего Востока I тыс. до н. э.²⁰ Точная дата основания этого города неизвестна. Из повествования Аппиана (Сур. 58) становится понятно, что застройкой руководил лично Селевк, хотя определить год основания, исходя только из контекста, невозможно. По этому поводу выдвигались различные точки зрения. Первоначально в качестве года основания был принят 300 г. до н. э., который восстанавливали на основании письменных источников²¹. Однако впоследствии больше внимания стали уделять нумизматическому и археологическому материалу, исходя из анализа которого, можно предположить, что город все же был основан до 300 года²². Учитывая то, что с 306 по 303 г. Селевк был занят «восточными делами», а с 302 по 301 – войной с Антигоном и Деметрием, то, вероятно, Селевкия была основана в 307 – нач. 306 года или в начале 302 года. Л. Кадетре связывает появление столицы с принятием Селевком царского титула, формированием царской власти в идеологическом и территориальном аспектах, а также видит в основании города ответ на создание других столиц диадохов:

²⁰ См. *Briant P. The Seleucid Kingdom and the Achaemenid Empire*. P. 47.

²¹ См. например, *Hadley R.A. The Foundation Date of Seleucia-on-the-Tigris // Historia*. 1978. 1. P. 228–230. В этой работе Р. Хэдли защищает точку зрения А. Буше-Леклерка, предложившего такую датировку.

²² *Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes (Memoires de la mission archéologique en Iran. 38)*. Paris, 1965. P. 297. Ср. *Invernizzi A. Seleucia on the Tigris: Centre and Periphery in Seleucid Asia // SHC*. IV. 1993. P. 235.

Кассандрии, Лисимахии и Антигонии. С его точки зрения, Селевкия была основана не раньше времени принятия Селевком царского титула²³.

Легенда об основании Селевкии, сохранившаяся у Аппиана, несмотря на ее явно позднее происхождение, все же представляет большой исторический интерес. Во-первых, в этой истории подчеркивается негативное отношение верхушки вавилонского общества к постройке нового города, который в самом скором времени стал экономическим конкурентом Вавилона²⁴. Во-вторых, весьма интересен тот факт, что Селевкию основывают именно воины, которые должны рыть фундаменты (οἱ θεμέλιοι), по всей видимости, крепостных стен. Из этого можно сделать вывод, что Селевкия первоначально строилась как военное поселение. Позднее, уже в период соправительства Антиоха, город быстро разрастается за счет своего удобного экономического и географического расположения²⁵.

В вавилонских источниках город обозначается как «царский», т. е. столичный (*āl šarrūti*), подобное мы обнаруживаем и в тексте Страбона (XVI. 1. 5; 2. 16). Но, несмотря на это, за время археологических раскопок, правда весьма непродолжительных, ученым не удалось обнаружить ни царского дворца,

²³ Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 53–54.

²⁴ Однако не стоит полагать, что сразу же с постройкой Селевкии Вавилон перестал являться политическим центром державы Селевка. Несмотря на переселенческую политику, первые цари династии уделяли много внимания Вавилону и в первую очередь его храмам. Селевк даже не стал срывать стены Вавилона (Paus. I. 16. 3), подчеркивая тем самым значимость города. Ср. Spek R. J. van der. The Babylonian City. P. 66.

²⁵ Отметим, что Селевкия была основана на берегах русла «царского канала» в плодородной долине Тигра, что было крайне важно для развития земледелия. С геополитической точки зрения, столица, хоть и находилась в древнем политически важном районе Междуречья тем не менее была также ориентирована на страны Иранского плато. Подробнее об этом см. Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 55, 59.

ни резиденции эпислатов²⁶. Однако Селевкия на Тигре была довольно большим и богатым городом (Plin. *NH.* VI. 122). Находки печатей (ок. 30 тыс.!) свидетельствуют о крупномасштабной торговле, которая велась на протяжении всего эллинистического периода. Но определить, когда точно в Селевкии на Тигре начинается монетная чеканка, невозможно. Нет уверенности, что монеты здесь чеканились до 300 года²⁷.

С присоединением в 301 году Сирии колонизационная политика Селевка переориентируется на заселение этого региона. При Ахеменидах Северная Сирия была плохо заселенной и экономически неразвитой областью. При Александре здесь появляется первая колония – Александрия на Иссе (возможно совр. Искендерум). Здесь же в 306 г. Антигон Одноглазый основывает свою столицу – Антигонию. Этот город располагался на Оронте и занимал весьма выгодное стратегическое положение. После включения Сирии в состав царства Селевка Антигония демонтируется, а ее жители переселяются в новые колонии, основанные поблизости. Северная Сирия, пожалуй, самый колонизированный регион всего государства Селевка. Кроме четырех главных городов – Селевкии в Пиерии, Антиохии на Оронте, Лаодикеи у моря и Апамеи – здесь было создано множество мелких поселений (ср. App. *Syr.* 57; Strabo. XVI. 2. 4).

По мнению Р. Биллоуза, колонизация Сирии была начата еще Антигоном, что способствовало ее дальнейшему развитию при Селевке²⁸. Укрепляя этот регион, Селевк защищал восточные области от возможной агрессии со стороны других диадохов. Еще в отношении Антигонии, возведенной здесь Антигоном, Диодор (XX. 47. 5) отмечал удобство стратегической позиции города, выбранной для наблюдения за Вавилоном или «верхними сатрапиями», а также за Сирией и египетскими границами.

²⁶ *Инверниции А.* Селевкия-на-Тигре. С. 175.

²⁷ ESMS. P. 102.

²⁸ *Billows R.* Antigonos the One-Eyed. P. 293–294.

Отчасти это показывает и стремление Селевка господствовать над самой северной частью Сирии, особенно у течения Евфрата, где также появляются многочисленные колонии²⁹. Именно в этом регионе (между средиземноморским побережьем и Евфратом) была создана дорожная сеть для активного сообщения с восточными сатрапиями³⁰.

Самой первой колонией Селевка в Сирии становится Селевкия в Пиерии. Согласно Иоанну Малале (VIII. 11), Селевкия была основана 23 дня месяца Ксандика (март-апрель) 300 года. По всей видимости, Селевк постарался расположить поселение именно на побережье, чтобы обеспечить выход к морю³¹. В частности Малала (VIII. 11) отмечает, что Селевкия располагалась на старой торговой стоянке. Возможно, какое-то местное поселение здесь к тому времени уже существовало. Первоначально население Селевкии составили переселенные из Антигонии греки и македоняне (Diod. XX. 47. 6). Селевкия стала морскими воротами державы, быстро разрослась и разбогатела, привлекая колонистов из Греции и Македонии. Здесь позже был похоронен и сам царь (App. Syr. 63. Malal. VIII. 19)³². В Селевкии появляется первый сирийский монетный двор Селевкидов, но уже к 90-м годам III века до н. э. центром монетной чеканки здесь становится Антиохия на Оронте³³. В 246 г.

²⁹ Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 74.

³⁰ Grainger J.D. The Cities. P. 69.

³¹ По мнению А. Сеирига, у Селевка было два варианта, где расположить Селевкию: в Александрии на Иссе или в устье р. Оронт. Seyrig H. Séleucus I et fondation. 1970. P. 301–302.

³² Возможно, Селевкия в Пиерии являлась центром царского культа, а также была царским некрополем. Повод для этого утверждения – легенда, переданная Аппианом, согласно которой, Антиох возвел над могилой отца храм, названный Никаторион (Syr. 63). Возможно, Селевкия служила усыпальницей для Селевкидов, как некогда Эги для Аргеадов.

³³ Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 360.

до н. э. Селевкия была завоевана Птолемеем III. Вернуть город удалось только в 219 г. до н. э. Антиоху III.

Через месяц после основания Селевкии в Пиерии 22 дня месяца Артемисия Селевк заложил новый город – Антиохию на Оронте (Malal. VIII. 12). Из всех колоний Селевка она стала наиболее известной. Во времена Страбона она по числу жителей лишь немного уступала Александрии Египетской и Селевкии на Тигре. Антиохия существовала и после смерти Селевка, и после крушения его династии. Как экономически и культурно богатый город, она пережила Средние века и Новое время, стала центром христианства и существует до сих пор на юге современной Турции под названием Антакья. Либаний и Малала сообщают, что Антиохия была основана на месте трех поселений: Иополиса, Гераклеи и Касиотиса, что вполне может соответствовать действительности³⁴. Возможно, выбор места постройки был неслучайным. В частности, Либаний (*Orat.* 11. 72–76) сообщает, что еще Александр планировал воздвигнуть на этом месте город. Сразу же после основания города Селевк приступил к строительству храма Зевса Боттея – одного из родовых божеств. Возведение городских стен было поручено архитектору Ксенарию (Malal. VIII. 12). Первыми поселенцами в Антиохии стали 5300 жителей Антигонии (Malal. VIII. 14), переселенные Селевком (Strabo. XVI. 2. 4). Такая цифра, как кажется, является репрезентацией платоновской идеи «идеального государства», в котором число граждан должно быть 5040 (Plato. *Leg.* 737e). Исходя из этого, можно предположить два варианта интерпретации этого факта: либо Антиохия строилась как полис, а не военная колония, либо Иоанн Малала приводит здесь идеализированную цифру. Высказывать предположение, что некоторые колонии Селевка изначально возводились как полисы, не приходится, т. к. тому нет никаких доказательств.

³⁴ Downey G. A History of Antioch in Syria. Princeton–New Jersey, 1961. P. 46–53; Cohen G.M. The Hellenistic Settlement in Syria. P. 80.

Напротив, в одном из самых ранних случаев, полисный статус был дарован сыном Селевка Антиохом бактрийским городам, о которых речь пойдет ниже. Возможно, восстание сирийских городов после смерти Селевка было спровоцировано стремлением поселенцев обладать полисными правами. Тем не менее Иосиф Флавий замечает (*Ant.* XII. 3), что Селевк Никатор уравнивал в правах с греками и македонянами евреев, даровав им права гражданства даже в самой столице Антиохии. Правда, сам автор отмечает, что все эти блага были подарены иудеям после того, как они приняли участие в походах царя. Можно ли предположить, что иудейский историк здесь подразумевал наемников, которых Селевк расселил по разным колониям своей державы? Возможно, полисный статус некоторые колонии стали приобретать уже при Селевке, но только в самом конце его правления.

Удобное стратегическое и экономическое положение позволило Антиохии быстро стать доминантой среди городов Северной Сирии. Хотя столицей государства Селевкидов город стал только при Антиохе I, его политическое возвышение наблюдается еще в конце правления Селевка.

Апамея, третий город Тетраполиса, был основан между 301 и 299 годами до н. э. Возможно, город первоначально был заложен еще при Александре или Антигоне³⁵ и назывался Пелла (*Strabo.* XVI. 2. 10). По свидетельству Малалы (VIII. 18) и Евстафия (*Com. in Dion.* 918), Апамея была основана на месте персидского поселения с названием Фарнака (Φαρνάκη). С Апамеей связан топоним Херсонес Сирийский, упомянутый Плутархом как место заточения Деметрия Полиоркета (*Plut. Dem.* 50), Диодор же в связи с этим событием называет Пеллу (XXI. 20). Из-за этого противоречия появилось мнение, что Апамеей город стал уже при Антиохе I³⁶. Однако Г. Коэн

³⁵ *Billows R.* Antigonos the One-Eyed. P. 299.

³⁶ *Honigmann E.* Pella (5) // RE.

считает, что топонимы Пелла, Апамея и Херсонес использовались для обозначения одного и того же городского центра или какой-то его части³⁷. Апамея с момента основания имела крайне важное стратегическое значение. Близость к египетской границе сделала эту колонию военной базой селевкидского войска (Strabo. XVI. 2. 10, 19).

Лаодикея, так же как и Апамея, была основана в нач. III в. до н. э. на месте туземного поселения. Иоанн Малала (VIII. 17) называет его Мазабда (Μαζάβδα). Стефан Византийский (s.v. Λαοδίκεια) свидетельствует, что город первоначально назывался Белый берег (Λευκὴ ἀκτὴ), а после Рамит(ф)а (Ῥάμιθα). Скорее всего, на месте постройки Лаодикеи существовало одно или несколько финикийских поселений, что вполне логично, если учесть особое приморское положение города, его удобную гавань. К тому же в непосредственной близости от города некогда располагался знаменитый Угарит.

В идеологическом смысле регион Тетраполиса был чем-то вроде «маленькой Македонии». Четыре главных города получили династические названия: Селевкия – в честь царя-основателя, Антиохия – в честь отца, Апамея – в честь жены, Лаодикея – в честь матери. По всей видимости, интеграция Сирии в государство Селевка и связанная с этим реорганизация государственного пространства была признаком территориализации его власти³⁸.

Колонизационная политика проводилась и в Средней Азии. Здесь ее осуществлял в начале III в. до н. э. соправитель Антиох. Существует свидетельство Плиния (NH. VI. 18. 47) о восстановлении Антиохом Александрии Маргианской (оазис Мерва) под названием Антиохия, которая была основана самим Александром³⁹. Об основании Антиохии в Маргиане упоминает и

³⁷ Cohen G.M. The Hellenistic Settlement in Syria. P. 98.

³⁸ Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 67, 74.

³⁹ Кошеленко Г.А., Гаубов В.А. В защиту Александрии Маргианской // ПИФК. 2006. XVI. 1. С. 18–23.

Страбон (XI. 10. 2), уточнивший, что Антиох повелел окружить область стеной в 1500 стадий (250 км). Подобная реконструкция произошла и с Александрией Эсхатой, упомянутой Аппианом (*Сур.* 57) в списке колоний Селевка. Она получила название Антиохия Скифская. Однако нет никаких оснований полагать, что перестроена была и Александрия Оксианская под именем Антиохия Тармата, как считал У. Тарн⁴⁰. Восстановление этих городов предполагает их предварительное разрушение или запустение. Причиной для этого могло стать вторжение с севера кочевых племен дахов, а также восстания местных жителей⁴¹. Возможно, определенную роль сыграли и восстания греко-македонских колонистов. Дж. Грейнджер, однако, опроверг теорию У. Тарна о повторном завоевании Антиохом Бактрии и изгнании якобы уже вторгшихся туда племен кочевников. Восстановление Антиохом трех македонских колоний (Александрия в Маргиане, Александрия Эсхата и Александрия Оксианская), которое У. Тарн представлял как главный аргумент этой Антиоховой реконквисты, является процедурой достройки и переименования, а не полного восстановления разрушенного поселения. Исключение составляет только Александрия в Маргиане (Мерв), которая действительно была серьезно перестроена, что наводит на мысль о ее предварительном разрушении⁴². Возможно, перестройке подверглось и городище Ай-Ханум, которое было основано еще Александром⁴³. В начале III в. до н. э. это поселение значительно разрослось и получило статус полиса.

⁴⁰ *Tarn W.W.* Two Notes on Seleucid History: 1. Seleucus' 500 Elephants. 2. Tarmita // *JHS*. 1940. P. 89–94. Противоположное мнение см. История таджикского народа. С. 327–328.

⁴¹ История таджикского народа. С. 330.

⁴² *Grainger J.D.* Seleukos Nikator. P. 155–157. Ср. *Mehl*. Seleukos Nikator und sein Reich. S. 267; *Grainger J.D.* A Seleukid Prosopography. P. 680.

⁴³ *Bernard P.* Deuxième campagne de fouilles d'Aï Khanoum en Bactriane // *CRAI*. 1967. 2. P. 322–323.

Практически ничего неизвестно о колонизации Персиды. Вообще этот регион после македонского завоевания как бы уходит в тень, теряет свое былое значение. Тем не менее именно Персиде уделялось особое внимание. Греки здесь, как и в соседней Сузиане, появились задолго до походов Александра⁴⁴, но проводилась ли направленная колонизация Персиды при Селевке? О колонизации этой области сообщает Малала (VIII. 18), который повествует, что Селевк основал множество колоний в других регионах, в том числе и в Персиде. Известно о существовании некой Антиохии в Персиде, но только уже при Антиохе III (OGIS 231, 233). Полиэн (*Strat.* VII. 39, 40) упоминает о конфликтах некоего Силиса с царем Селевком, с одной стороны, и персами с другой. При этом Силис командует 300-ми македонскими и фракийскими всадниками и 3000-ми гоплитов. Также Полиэн упоминает (*Strat.* VII. 40) жителей Персиды (ἀνδράς τῶν ἐν τῇ Περσίδι κατοίκων), которые, по всей видимости, были поселенцами военных колоний – катойков, поднявших мятеж против персов. Но все же эти данные не подтверждают факта колонизации Персиды при Селевке. Однако невозможно предположить, чтобы Персида, столь густонаселенная область прекрасно приспособленная для земледелия, пришла в упадок. Разрушенный Персеполь тем не менее заселяется, а новым политическим центром Персиды становится город Истахр. Долгое время было неизвестно, выводятся ли сюда македонские колонии. В середине XX в. в одном из Персепольских храмов, так называемом «храме фратарака», были обнаружены несколько греческих надписей. Эпиграфисты, в том числе Л. Робер, пришли к выводу, что надписи относятся к концу IV – началу III в. до н. э.⁴⁵ К тому же в храме

⁴⁴ Новиков С.В. Юго-Западный Иран. С. 53.

⁴⁵ Rober L. Encore une inscription grecque de l'Iran // CRAI. 1967. 2. P. 282. См. Callieri P. L'archéologie du Fârs à l'époque hellénistique. P., 2007. P. 56. В этих надписях представлено несколько греческих теони-

была найдена керамика того же времени, а планировка зала № 5 этого храма имеет сходство с отдельными помещениями храма Окса в Бактрии⁴⁶, который также был посвящен культу огня. Возможно, этот же храм был изображен на монетах династии, также получившей название *frataraka*. На аверсе этих монет изображен правитель династии, на реверсе он же в образе жреца культа огня. В качестве подтверждения факта греко-македонской колонизации Персиды можно привести и находку двух верстовых столбов. Оба они относятся к концу IV – нач. III в. до н. э. На первом из них (SEG 45. 1779) указано расстояние. А: Σταδίοι ἐξήκοντα В: Σταδίοι εἴκοσι. На втором же (SEG 45. 1880) отмечено направление из Пасаргад. А: [Ε]κ Πασα[ργαδ]ῶν ἀπὸ τῶν [.....] В: [...] ἀπὸ [.....] Πασα[ργά]δας [.....] *psrgdh*. Примечательно, что греческая надпись на втором столбе была сделана поверх стертой арамейской, однако в конце осталось несколько букв, которые читаются как «Пасаргады»⁴⁷.

Итак, можно выделить несколько областей колонизации, на которые было обращено особое внимание Селевка I: Северная Сирия, Бактрия, Согдиана и Месопотамия. Тем не менее в источниках есть отрывочные свидетельства о постройке колоний в Малой Азии, Армении, Парфии и Персиде. К сожалению, мы располагаем лишь незначительной частью информации относительно этих колоний Селевка, и то о самых крупных из них. А сколько еще поселений остается неизвестными? Тем не менее список областей, приведенный Аппианом

мов в форме родительного падежа: ΔΙΟΣ ΜΕΓΙΣΤΟΥ, ΗΛΙΟΥ, ΑΘΗΝΑΣ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ.

⁴⁶ *Callieri P.* L'archéologie du Fārs. P. 64–65. О храме Окса см. *Лутвинский Б.А.* Бактрийский храм Окса и восточноиранский эллинизм. Проблемы и гипотезы // ВДИ. 2000. № 2. С. 213–221;

⁴⁷ Об этих надписях см. *Callieri P.* Une borne routière grecque de la région de Persépolis // CRAI. 1995. 1. P. 65–95; *idem.* L'archéologie du Fārs. P. 34–35.

ном, показывает, что результатом колонизационной политики Селевк I видел создание густой сети македонских колоний на всем теле его гигантской державы.

IV.3. Центр и периферия: локализация столицы государства Селевка I

Одной из самых важных проблем в изучении раннеэллинистической государственности Селевкидов является локализация столицы как политического центра. В связи с этим особую важность приобретает вопрос о восприятии Селевкидами пространства или территории, на которой была распространена их власть, а также вопрос об отношении царской власти к политическому пространству. Территория государства Селевкидов с самого начала его существования представляла собой «локутное покрывало», сотканное из многочисленных политических единиц: греческих полисов, мелких династий, этносов и союзов народов, храмов и священных территорий, живших собственной жизнью. Именно так и видели свое государство Селевкиды: как набор различных территорий, объединенных под их властью. В тексте декрета Смирны (OGIS 229) (240 г. до н. э.) Селевк II обращается к *basileis, dynastes, poleis* и *ethne*.

Давно уже отмечено, что царская власть у Селевкидов не являлась территориальной⁴⁸, т. е. не отождествлялась с каким-то конкретным регионом, как Македония Антигонидов или Египет Лагидов. Воплощением власти был сам царь и члены его семьи. В сатрапиях власть представлялась местной администрацией во главе с сатрапом или стратегом. Однако не так просто определить, что для Селевкидов, и для Селевка I в частности, было столицей, т. е. сосредоточением его власти, а что политической периферией.

⁴⁸ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 13.

Для Ахеменидов выделение политического центра из общей территории государства было вполне естественным явлением. Они четко ощущали территориальную основу своей империи. Им была Персия со столицей в Персеполе. В списках сатрапий Персия там, где она присутствует (DB I, DNe, DSm), всегда стоит на первом месте. В надгробной надписи царя Дария читаем: *θātiy Dārayavauš xšāyaθiya vašnā Auramazdāhā imā dahyāva tyā adam agarbāyam apataram hacā Pārsā*: «говорит царь Дарий: по воле Ахурамазды это страны, которые я присоединил к Персии» (DNa). Хотя фактически расположение столицы империи зависело от местоположения царя и его двора, т. к. ахеменидские владыки вели «кочевой» образ жизни, перемещаясь из города в город. Номадизм персидского царя Кира представлен Ксенофонтом. В коротком отрывке он четко выделил в империи Ахеменидов периферийные области (Кипр, Египет, побережье Понта Эвксинского) и центральный регион, где находились три персидские столицы: Вавилон, Сузы и Экбатаны (Сур. VIII. 6. 22). К этим трем городам, разумеется необходимо добавить и Персеполь⁴⁹.

Определенный центризм был характерен и для государства Александра Македонского, поместившего свою столицу в Вавилон. Однако стоит отметить, что Македония всегда находилась на особом положении, и старый македонский двор оставался все же в Пелле. Царская придворная администрация самого Александра постоянно следовала за ним, и долгое время номинальная столица оставалась без царя и его окружения. Лишь после завершения своего похода в 324 г. до н. э. Александр въехал в город. После его смерти Вавилон формально остался столицей до 320 г., т. е. до встречи в Трипардесе, когда империя разделилась на части: отделился Еги-

⁴⁹ Аргументацию по этому поводу см. *Tuplin Chr. Xenophon and Achaemenid Courts: a Survey of Evidence // The Achaemenid Court / Hrsg. von B. Jacobs, R. Rollinger. Wiesbaden, 2010. S. 191–194.*

пет со столицей в Александрии и Македония. В 306 г. до н. э. в Севреной Сирии Антигон Одноглазый основывает Антигонию на Оронте, короткое время выполнявшую столичные функции.

Государство Селевка в процессе своего формирования имело сразу несколько политических центров или столиц. Самой первой из них был Вавилон. С 312 г. до н. э. он являлся центром нового государства. В период борьбы с Антигоном Одноглазым (311–308) город несколько раз переходил из рук в руки, но в результате остался за Селевком. Приблизительно в 306 г. до н. э. в достаточной близости от Вавилона Селевк основывает свою новую столицу Селевкию на Тигре (Strabo. XVI. 1. 5). Ранее мы уже отмечали предположение Л. Кадетре, что появление столицы можно связать с принятием Селевком царского титула, формированием царской власти в идеологическом и территориальном аспектах, а также воспринимать закладку этого города как ответ на создание других столиц диадохов: Кассандрии, Лисимахии и Антигонии⁵⁰. В 300 г. до н. э. после победы над Антигоном Селевк основывает новую столицу своей державы – Селевкию в Пиерии. Однако основанная неподалеку и на месяц позже Антиохия на Оронте в скором времени становится крупным экономическим центром и обгоняет Селевкию. Поэтому столицей Селевка правильной считать не просто Селевкию, но крупную агломерацию Антиохия–Селевкия.

В историографии долгое время признавался исключительный моноцентризм государства Селевкидов. Традиционной была точка зрения, согласно которой, политическим, экономическим и культурным центром государства Селевкидов была Сирия. Династия стала называться «сирийской», а столицей – Антиохия на Оронте. Однако впоследствии это суждение было пересмотрено. В 90-е годы С. Шервин-Уайт и А. Курт предложили, что государство Селевкидов строилось во-

⁵⁰ Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 53–54.

круг Месопотамии, которая до середины II в. до н. э. считалась центром державы. С этой точки зрения и Малая Азия, и Бактрия были одинаково периферийными⁵¹.

На наш взгляд, однозначное восприятие понятий «центр» и «периферия» в данной проблеме кажется чересчур простым. Вполне закономерно, что в период территориального и политического становления государства Селевкидов существовало несколько политических, экономических и культурных центров⁵². Первоначально Вавилон выполнял функцию столицы державы Селевка, в чем, скорее всего, наблюдается идеологическая преемственность Александру, но позднее, с победой над Антигоном, новым центром становится Сирия. Основанная здесь новая столица – Селевкия в Пиерии – стала важнейшим селевкидским портом на Средиземном море. Однако экономическим центром в правление именно Селевка являлась не Сирия – достаточно мало заселенная и небогатая область, – а скорее Малая Азия, Вавилония или Бактрия. Таким образом, сложно выработать определенные критерии для выявления понятий «центр» и «периферия». И все же можно говорить о полицентризме или скорее о дицентризме (Сирия и Вавилония) или вообще об ацентризме власти в государстве Селевка. Границы государства Селевкидов постоянно менялись. Менялись и политические ориентиры. Однако изначально для сохранения территориальной целостности в государстве Селевка власть рассредоточивалась по нескольким центрам, среди которых было две столицы Антиохия/Селевкия в Сирии и Селевкия на Тигре.

Древние авторы изображали государство Селевкидов именно как сочетание Сирии и Вавилонии. К примеру, Аппиан, на-

⁵¹ *Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkhand.* См. также критику этой точки зрения: *Briant P. De Samarkand à Sardes.* P. 455–459.

⁵² Возможно, такое восприятие государственного пространства сохранилось и после. *Sève-Martinez L. Quoi de neuf sur royaum séleucide?* P. 232–236.

чиная свою книгу о Сирийских делах (1), пишет: Ἀντίοχος, ὁ Σελεύκου τοῦ Ἀντιόχου, Σύρων καὶ Βαβυλωνίων καὶ ἐτέρων ἔθνων βασιλεύς «Антиох, сын Селевка и внук Антиоха, царь сирийцев, вавилонян и других племен». Так же пишет Иоанн Малала и как христианин добавляет еще и Палестину: Τῆς δὲ Συρίας καὶ Βαβυλονίας καὶ Παλαιστίνης διετάξατο κρατεῖν καὶ βασιλεύειν Σέλευκον τὸν Νικάτορα «Над Сирией, Вавилонией и Палестиной установил он (Александр) править и царствовать Селевка Никатора» (VIII. 10). Страбон и Антиохию на Оронте (XVI. 2. 5), и Селевкию на Тигре (XVI. 1. 16) называет столицами (ἢ μητρόπολις).

Территориальные границы государства Селевкидов определялись границами политического влияния династии, т. е. распространения царской власти. Древнее македонское право, получившее название «право копья» (δορίκτητος χώρα), совмещает понятия царской власти и территории, на которой она распространена. Территориализация царской власти Селевка, по мнению Л. Кадетре, произошла именно с постройкой сирийского Тетраполиса и в частности новой столицы государства⁵³. В целом эта постройка является глубокой реорганизацией государственного пространства с целью укоренить власть на конкретной территории. Район Тетраполиса так явно ассоциировался с властью Селевкидского царя, что еще в III в. до н. э. получил название Σελευκίδα (OGIS 219, 229). В более поздний период, при наследниках Селека I, Сирия и, в особенности, район Тетраполиса становятся единственным политическим центром державы, а Антиохия на Оронте столицей государства Селевкидов. Влияние Антиохии как столичного города постепенно увеличивалось, вследствие чего, к середине II в. до н. э. возникает даже проблема взаимоотношений между столицей и царской властью. В это время роль столицы уже настолько велика, что царь Антиох IV вынужден всячески угождать и удов-

⁵³ Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 66–67.

летворять население Антиохии, чтобы удержаться на троне.

Каждое из эллинистических государств принято отождествлять с определенным регионом, где располагался политический центр. Поэтому мы можем говорить о Египте Птолемеев, Македонии Антигонидов, Пергаме Атталидов и т.д. Династию Селевкидов принято называть сирийской, при этом вся остальная территория как бы уходит на второй, периферийный план. В этом, безусловно, можно проследить черты позднейшей традиции. Многие источники называют Селевкидов «сирийскими царями». Действительно, несмотря на все территориальные изменения, которые когда-либо претерпевало государство Селевкидов, Сирия практически всегда оставалась сердцем Селевкидской монархии вплоть до самого конца ее существования.

IV.4. Проблемы «господствующего общества»

В отдельных частях работы, посвященных экономике и административному устройству, мы в той или иной степени уже затрагивали социальные проблемы государства Селевка I, связанные с положением зависимых слоев населения и в частности λαοί. Теперь же хотелось бы уделить внимание вопросу существования и положения другой части общества, а именно политической элиты.

В 2003 г. немецкий исследователь А. Мель сделал попытку связать социальные и этнические аспекты общественного устройства в работе на тему «господствующего общества» и подданных в государстве Селевкидов. При этом под «господствующим обществом» (*herrschenden Gesellschaft*) А. Мель понимает некий круг лиц или группировки (*Gruppierungen*), которые окружали персону монарха, но не обладали определенными функциями. Выполнение каких-то обязанностей могло осуществляться этими людьми как при дворе, так и по всему царству. Магистральная идея всего труда заключается в следующем утверждении: «в абсолютных монархиях эпохи

эллинизма рядом с царем не находилось места для “правлящего общества”, которое смогло бы подняться над статусом подданных... в конце концов, тема данной работы сужается до рассмотрения отношений между монархом и его подданными»⁵⁴. Это утверждение А. Меля порождает массу вопросов и тем для рассуждений, но мы остановимся лишь на некоторых аспектах взаимоотношений царской власти и «господствующего общества» в государстве Селевка.

Прежде всего, стоит определить, существовало ли «господствующее общество» при Селевке I и оказывало ли оно сколь-нибудь значительное воздействие на монарха, чтобы «подняться над статусом подданных»? Если опираться на определение «господствующего общества», данное А. Мелем, то, разумеется, к нему стоит отнести «друзей» и придворных. Эти две категории действительно представляли собой некие группы, окружающие царя. Источники не закрепляют за ними каких-то четко определенных функций, но это не значит, что их не было вовсе. Мы можем лишь отметить, что внутренняя придворная иерархия, характерная для эллинистических монархий уже III–II веков до н. э., предполагает разделение полномочий и каких-то исполнительских обязанностей и функций. Но влияние на монарха придворных и даже «друзей», так сказать, та политическая роль, которую они играли в жизни государства, с течением времени постепенно уменьшается. Тогда как в раннеэллинистический период союз царской власти, «друзей» и войска был центральным столпом государственности, в более поздний период он трансформируется в абсолютную власть монарха.

⁵⁴ *Mehl A. Gedanken zur «herrschenden Gesellschaft» und zu den Untertanen im Seleukidenreich // Historia. 2003. 2. S. 147–160.* См. в особенности русский перевод этой работы, который по сути является ее дополненным вариантом. *Мель А. Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в царстве Селевкидов: отношения и ожидания // Antiquitas Aeterna. 2005. С. 73–85.*

Предложенная А. Мелям модель «господствующего общества» все же подходит больше для эллинистических монархий второй половины III–II вв. до н. э. В период раннего эллинизма существовала система «царь/элиты/подданные», а формула А. Меля «царь/подданные», исключая прослойку «господствующего общества», возникла позднее, т. к. для нее необходимо соблюдение следующих условий: во-первых, существование царского культа (который при диадохах только зарождался), во-вторых, трансформация института «друзей» из политического в идеологический, с чем связана утрата «друзьями» реальных военных и политических функций, увеличение их числа и появление полиэтничного состава, в третьих, разрастание бюрократического аппарата и абсолютизация власти монарха.

Во время диадохов, а в особенности в первое двадцатилетие после смерти Александра, роль македонских элит, формировавших институт «друзей», была исключительно велика. Иными словами, окружение первых эллинистических монархов и формировало «господствующее общество» новых государств. Отметим, что и сами диадохи некогда были выходцами из «господствующего общества». И, несмотря на то, что их политическое влияние на Александра было незначительным, в итоге они встали на одну социальную ступень вместе со своим господином.

Однако к «господствующему обществу» государства Селевка, на наш взгляд, стоит отнести и высших провинциальных чиновников, слабо связанных с царским двором. Представители этой категории были наделены не меньшей (если не большей) властью, чем придворные. В их среде, особенно среди сатрапов, часто встречаются представители местной знати, привлеченные Селевком к управлению. Так, отец Роксаны Оксиарт, по всей видимости, не потерял своей должности сатрапа Паропамисад. Возможно, ключевые административные посты в сатрапиях Средней Азии занимали именно иранцы, выходцы из местной аристократии. Даже назначение Антиоха, сына Селевка и иранки Апамы, правителем «верхних сатрапий» было, с этой точки зрения, неслучайным.

Добавим еще одну ремарку. Определение эллинистического «господствующего общества» А. Меля практически совпадает с определением персидского «доминирующего этно-класса» П. Бриана, который предложил понимать под ним именно аристократические группировки, сосредотачивавшиеся вокруг персоны Великого Царя⁵⁵. Как соотносятся эти два концепта мы рассмотрим далее, а теперь остановимся еще на одном положении А. Меля.

А. Мель подчеркивает, что такое «господствующее общество» не обладало правом наследования занимаемых должностей, которое существовало при Ахеменидах. Таким образом, само «господствующее общество» не является ни общественным слоем, ни сословием⁵⁶. Данное утверждение требует пояснений. Наследственной придворной аристократии в государстве Селевка не существовало только потому, что она находилась в процессе формирования, и лишь ко II в. до н. э. она, как кажется, приобретает черты наследственности. К тому же постоянный приток колонистов в III в. до н. э., обеспеченный политикой Селевкидов, постоянно пополнял царское окружение новыми кадрами. Безусловно, все приближенные Селевка интересовали царя не столько своим происхождением, сколько умением и старанием, которым они могли ему послужить⁵⁷, как, например, «друзья», среди которых был Комбаб (Luc. *De Syr.*: 19–27), по происхождению не грек и не иранец, а сириец. По всей видимости, Комбаб или тот реальный истори-

⁵⁵ «Под доминирующим этно-классом, я понимаю персидскую аристократию, объединенную вокруг Великого Царя общими ценностями, укрепленными историей и лояльным воспитанием, отношениями, основанными на обмене служба/дарения/служба; а также и общими интересами, т. к. этот маленький доминирующий слой занимает самые высокие посты в управлении при дворе, в армии и в сатрапиях» Briant P. *Ethno-classe dominant et population soumises*. P. 137.

⁵⁶ Мель А. Размышления по поводу. С. 80.

⁵⁷ Dreyer B. *How to Become*. P. 45–57.

ческий персонаж, который стал прототипом для Комбаба, был выходцем из какого-нибудь знатного сирийского рода. Привлечение такого человека на царскую службу, возможно, является единичным примером повсеместной политики Селевка и других эллинистических правителей по интеграции локальной аристократии в правящие круги нового общества. В данном примере же проявляется, скорее всего, личная заинтересованность царя Селевка в установлении дружественных отношений именно с сирийской аристократией в целях безопасности и благополучия существования Тетраполиса⁵⁸. Возможно, по этим же причинам в круг «друзей» царя были введены Ларих, сын Лаомедонта, сатрапа Сирии после 323 г. до н. э., или Демодам, сын Аристида, знатный уроженец Милета. Необходимость управления местным населением, по всей видимости, через союз с элитами, понимали и некоторые древние авторы (Diod. XIX. 48. 1)⁵⁹.

Итак, неизбежно мы пришли к вопросу об этническом составе «господствующего общества». А. Мель делит «господствующее общество» у Селевкидов на три социо-культурных групп: 1. греки – переселенцы из Балканской Греции, 2. греки и македоняне, которые уже обосновались в новых эллинистических царствах, 3. негреки, разнородные по своему составу⁶⁰. И если первые две группы прекрасно вписываются в уже приведенную формулу: «господствующее общество» = царь + «друзья» и придворные, то третья категория открывает перспекти-

⁵⁸ Ср. *Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 75–76.*

⁵⁹ τὴν μὲν οὖν Καρμανίαν εἶασεν ἔχειν Τληπόλεμον καὶ τὴν Βακτριανὴν ὁμοίως Στασάνορα· οὐ γὰρ ῥάδιον ἦν τούτους δι' ἐπιστολῆς ἐκβαλεῖν, εὐ τὰ πρὸς τοὺς ἐγχωρίους πεπολιτευμένους καὶ πολλοὺς ἔχοντας συναγωνιστάς. Он (Антигон) разрешил, чтобы Карманией владел Тлеполем, а Бактрией таким же образом Стасанор, ведь не легко было их, хорошо управлявших местным населением и имеющих много сподвижников, сместить с помощью писем.

⁶⁰ Мель А. Размышления по поводу. С. 78.

вы другой проблемы, а именно, интеграции локальных элит в «господствующее общество».

Но прежде сделаем несколько замечаний. Персидские цари четко представляли линию политической преемственности, называя себя Ахеменидами (*Haхāmanišiya*). Понятие *xšaça* у Ахеменидов не было абстрактным, но определяло конкретное государство⁶¹. В персидской империи, впрочем, не было внутргосударственного единства. Страну населяло множество народов и народностей, подчиненных Великому Царю. В надписях персидские цари не раз называли себя *arya* или *arya chiça*, т. е. «ариец» или «арийского корня». Исходя из этого, можно было бы выдвинуть предположение, что иранское население занимало особое место среди других народов. Но между иранскими народами империи никогда не было единства. П. Бриант предложил понимать эти титулы с точки зрения власти царя над самым многочисленным народом государства, т. е. персидский владыка является господином иранцев, противопоставляя их, правда не так часто, неиранцам⁶². Власть персидского царя была строго национальной⁶³. Собственное гражданское состояние Ахемениды (например, Дарий I) различали по нескольким категориям: по семье (сын Гистаспа), по царскому роду (Ахеменид), по национальности (перс) и по более широкой этнической категории (ариец). Однако предполагать, что в Персии существовало какое-то иранское политическое единство или хотя бы персо-мидийская общность, не приходится⁶⁴. В виду этого в империи Ахемени-

⁶¹ *Wiesehöfer J.* Ancient Persia. P. 56.

⁶² *Briant P.* Histoire de l'empire Perse. P. 194. Под иранцами здесь, по всей видимости, имеются в виду в первую очередь персы и мидийцы.

⁶³ В надгробной надписи Дария I особо подчеркнута его происхождение: *Dārayavauš... Vištāspahyā puça Haхāmanišiya Pārsa Pārsahyā puça Ariya Ariya chiça* – «Дарий... сын Гистаспа, Ахеменид, перс, сын перса, ариец, из арийского рода» (DNa).

⁶⁴ *Briant P.* Histoire de l'empire Perse. P. 194.

дов сложилась четко выраженная наследственная управленческая аристократия.

Политика Александра и его ближайших преемников заключалась в привлечении местных элит к управлению страной. Несмотря на то, что верховная власть была сосредоточена в руках македонян, многие ключевые посты в державе Александра занимали все же иранцы. Г. Бенгтсон относил «проникновение туземных элит в правящее сословие» только к концу III в. до н. э.⁶⁵ Безусловно, к этому периоду негреческий элемент в высших государственных структурах был представлен уже достаточно широко, а в период правления Селевка негреков, занимающих крупные посты мы встречаем довольно редко. Тем не менее можно предположить, что процесс интеграции туземных элит в «господствующее общество» начался с момента появления государства. Диадохи также проводили политику вовлечения локальных элит (прежде всего иранцев) в политическое пространство новых государств. Одной из сторон этой политики была интеграция земельных владений крупных иранских семей в полисное пространство. Например, известен случай, представленный в надписи из Амизона (320 г.), где некто Багадат и его сын Ариарамн получают гражданские права, по всей видимости, за присоединение своей земли к городу⁶⁶. Исследование судьбы иранских общин Малой Азии после македонского завоевания, проведенное П. Брианом, показывает, что эти коллективы продолжали существовать еще довольно долго (весь эллинистический и римский периоды), сохраняя собственные этно-культурные традиции. При том, если Малая Азия было достаточно хорошо колонизирована в эллинистическо-римское время, то какое влияние имели иранские кланы в регионах, где греческая колонизация была более слабой, например, в Мидии, Персиде или Бактрии?

⁶⁵ *Bengtson G.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 78

⁶⁶ *Briant P.* Les iraniens d'Asie Mineure. P. 174–175.

Несмотря на то, что Селевк, безусловно, воспринимал себя и свою власть как македонскую, уже его сын – Антиох, подчеркивал свою двойственную этничность. По мнению П. Бриана «неоспоримая забота Селевкида отождествлять себя с вавилонским царством идет наравне с желанием называть себя македонянином»⁶⁷. Дж. Ма считает, что, несмотря на иранское происхождение матери, Антиох продолжал следовать македонской традиции определять свою этническую принадлежность по отцу⁶⁸. Этническая пестрота государства Селевка привела к определенному типу взаимоотношений с местными негреческими элитами, согласно которому законность власти царя Селевка должна была соответствовать местной традиции легитимизации власти. Дж. Ма называет эти отношения «ethno-power games»⁶⁹. Центральная власть как бы соблюдает правила игры, выдвигаемые местной политической традицией. Именно на этом строятся и все взаимоотношения между политическим центром политической периферией государства Селевка. Такие отношения Селевк унаследовал от Ахеменидов. В связи с тем, что Ахемениды использовали исторически сложившиеся политические институты каждого региона, П. Бриан предлагает даже различать локальную власть и государственный (ахеменидский) контроль⁷⁰.

Немного ранее мы уже упоминали концепт П. Бриана «доминирующий этно-класс» – высший социальный класс (уровень), принадлежность к которому определяется по этническому принципу. В руках его представителей сосредотачивается вся власть в государстве. «Доминирующий этно-класс», безусловно, был характерным явлением для империи Ахеменидов и,

⁶⁷ Briant P. De Samarkand à Sardes. P. 462.

⁶⁸ Ma J. Kings. P. 187.

⁶⁹ Ibid. P. 188.

⁷⁰ Briant P. Pouvoir central et polycentrisme culturel. P. 2–3. Cp. Briant P. Ethno-classe dominant et population soumises dans l'empire Achéménide: le cas de l'Égypte // AchHist. III. 1988. P. 137.

как кажется, для ее наследников – восточно-эллинистических государств.

П. Бриан полагает, что в эллинистический период греко-македонский «доминирующий этно-класс» сформировался на первоначальной фазе колонизации⁷¹, т. е., судя по всему, в период царствования диадохов и эпигонов. А.Б. Ранович, разделявший характерную для первой половины идею целенаправленной политики смешения греков с народами Востока, также указывает, что именно синойкизм диадохов и эпигонов в итоге привел к постоянным близким контактам между греко-македонянами и туземным населением⁷². Между тем, сохранение собственной специфической этно-культурной и политической среды является неотъемлемыми признаками «этно-класса»⁷³. Таким образом, греческий язык (язык «доминирующего этно-класса») становится государственным, широкое распространение получают греческая религия, традиции и обычаи. В поселениях основанных Селевком несомненно существовало политическое и социо-культурное доминирование, а также сегрегация греко-македонского общества. Однако в процессе длительного существования «этно-класс» неизбежно впитывает и туземные элементы⁷⁴. Стремление войти в состав «доминирующего этно-класса» – это основная тенденция местного, негреческого населения и, прежде всего, его элит, т. к. причастность

⁷¹ Briant P. Colonisation hellénistique I. P. 92. Ср. Кошеленко Г.А. Греческий полис. С. 225.

⁷² Ранович А.Б. Эллинизм. С. 103–104.

⁷³ Briant P. Pouvoir central et polycentrisme culturel. P. 13.

⁷⁴ В одной из своих работ П. Бриан пишет: «я часто объяснял, что я подразумеваю под «доминирующим этно-классом»; в тоже время я уточняю, что интерпретации, полученные из царских надписей, отсылают нас к *изображениям* персидской власти: на практике, сожитительство более двух веков с локальными элитами породило большое количество процессов глубокой аккультурации». Briant P. De Samarkand à Sardes. P. 461. Not. 8.

к «этно-классу» влечет за собой возможность получить доступ к управлению. Для греков национальность определялась в первую очередь по языковому признаку, поэтому вхождение в «доминирующий этно-класс» требовало, прежде всего, владения греческим языком. Часто для интеграции в «доминирующий этно-класс» лица негреческого происхождения брали греческие имена, как, например, высокопоставленный чиновник (*šaknu*) Ану-убалит из Урука, который получил от царя Антиоха II второе имя Никарх⁷⁵. Конечно, этот негреческий элемент приносит с собой собственную культуру, религию, некоторые политические традиции. Из этого следует синкретизм культур и то явление, которое в широком смысле называют *эллинизмом*.

Несмотря на то, что термин «доминирующий этно-класс» шире, чем «господствующее общество» А. Меля, они все же соотносятся между собой. Интеграция локальной знати в «доминирующий этно-класс» – процесс достаточно длительный, к тому же, «доминирующий этно-класс» сам по себе неоднороден. В нем выделяются две прослойки. Во-первых, верхушка из представителей царского окружения (семья, двор) и высшего чиновничества, а во-вторых, прослойка греко-македонского населения военных колоний и полисов. При этом отметим, что верхняя часть «доминирующего этно-класса» довольно быстро включает в себя местные элиты с их культурой и традициями, а нижняя еще долгое время сохраняет самоидентичность, пытаясь удержать экономическое и социальное преимущество в своих руках, оттесняя туземное население⁷⁶. Верхнюю прослойку «доминирующего этно-класса» можно было бы срав-

⁷⁵ *Sherwin-White S.* Seleucid Babylonia. P. 29; *Capdetrey L.* Le pouvoir séleucide. P. 305. Not. 197. «Ану-убалит, сын Ану-икшура..., которому Антиох, царь стран, дал второе имя Никарх...».

⁷⁶ Отчасти греко-македонское население полисов государства Селевкидов пополнялось за счет притоков переселенцев из Европы. См. *Briant P.* Colonisation hellénistique et population indigenes II // *Klio*. 1982. 1. P. 97–98.

нить с «господствующим обществом» если применять данный термин ко времени становления государства Селевкидов (к. IV – 260-е годы до н. э.)⁷⁷. Ведь, не наследуя прав занимать определенную должность, представители этой социальной категории наследовали *потенциальную возможность* ее занять. То есть можно сказать, что в сравнении с остальными подданными представители этой прослойки находились на более привилегированном уровне.

Итак, подводя итог нашим рассуждениям, заметим, что концепт «господствующего общества», предложенный А. Мелем, подходит для эллинистических обществ уже середины III – II веков до н. э. и к раннеэллинистическому материалу применим лишь отчасти. Более полно общество раннего эллинизма характеризует концепт П. Бриана «доминирующий этно-класс», однако он влечет за собой ряд параллельных проблем. В частности, рассматривать проблемы «господствующего общества» в государстве Селевка невозможно без учета специфических этно-социальных условий, терминологически обозначенных как «ethno-power games».

IV.5. «Общество внутри общества» – интегрированные социо-политические единицы в государстве Селевка

Государство Селевка I не представляло собой монолитную социальную структуру. В широком смысле его можно рассматривать с точки зрения отношений «господствующего общества» и подданных. Для царской власти, которая была основой этого государства, подданными являлось абсолютно все население. Однако если хоть немного взглянуть в социальное

⁷⁷ Однако нельзя называть эту категорию абсолютным «господствующим обществом» в том смысле, в каком его трактует А. Мель.

строение державы, то мы обнаруживаем в нем некоторые социо-политические единицы, внутренняя жизнь которых остается неподвластной для «господствующего общества». Они как бы создают собственное замкнутое государство со своими правителями, чиновниками, органами управления, экономической и социальной политикой. И в то же время они территориально входят в состав государства Селевка, их земли принадлежат царю по «праву копья», они признают, в конечном счете, его верховную власть, общаясь с ним через специально назначенных посредников⁷⁸. Речь идет о категориях интегрированных политических единиц, таких как полис, этнос, династия и храмовая община.

IV.5.1. Полисы

Проблема взаимоотношений полисов и царской власти является одной из наиболее сложных и запутанных тем в истории эллинизма. В то же время связанные с ней проблемы стали объектом многочисленных исследований как общего, так и частного характера. Мы же просто проследим политические связи между отдельными полисами и Селевком I, рассмотрим как зарождались взаимоотношения между Селевком и некоторыми городами.

Все полисы в государстве Селевка можно условно разделить на две группы: во-первых, те, которые состояли в особых отношениях с царской властью и пользовались данными ей привилегиями и, во-вторых, те, что были подчинены ей. К первой категории мы относим, прежде всего, древние греческие города малоазийского побережья, которые имели особый политический статус. Они не были полностью подчинены царской власти и обладали в известной степени автономией⁷⁹. Во

⁷⁸ *Kreissig H.* Wirtschaft und Gesellschaft. S. 70.

⁷⁹ *Golubisova Ye.* Polis et monarchie à l'époque de Sélécides // Acta An-

вторую группу входили в основном колонии, ставшие в конце правления Селевка полноценными полисами.

Греческие города Малой Азии вошли в состав государства Селевка достаточно поздно, уже после победы над Лисимахом в 281 г. до н. э., поэтому проблема интеграции этих городов в государственное политическое пространство полностью легла на плечи наследника Селевка – Антиоха I. Тем не менее несмотря на скудость и практически отсутствие юридических документов, которые свидетельствовали бы об отношениях царя с полисами, достоверно известно, что Селевк проводил целенаправленную политику (в том числе агитационную) в отношении городов и всячески пытался организовать с ними союз. Дж. Ма предложил, что все эти полисы можно условно разделить на две группы: интегрированные в царскую землю и неинтегрированные. Первые были обременены более навязчивыми формами контроля и находились в прямой зависимости от царской администрации. Но все города могли находиться под управлением царского наместника⁸⁰.

Мы уже отмечали, что многие полисы Малой Азии после гибели Лисимаха поспешили установить отношения с Селевком. К тому же, выпуск царского серебра, оперативно организованный во многих городах, быть может, свидетельствует об их лояльности к Селевкидам. Но еще до падения власти Лисимаха Селевк налаживал отношения с некоторыми городами, причем имел в этом определенный успех. Безусловно, оплотом Селевкидской пропаганды был Милет, который был удостоен

tiqua. 1990–1992. P. 246.

⁸⁰ *Ma J. Antiochus III. P. 158–159.* Впрочем, эта классификация распространяется и на остальную территорию государства Селевка. Более сложной является классификация, представленная Л. Кадетре (*Le pouvoir séleucide. P. 209*). Однако, на наш взгляд, она достаточно запутана и слабо аргументирована, т. к. включает материал более чем двухсотлетних взаимоотношений Селевкидов с полисами, причем только малоазийскими и сирийскими.

самых высоких почестей от царской фамилии, о чем мы, впрочем, уже не раз упоминали. По всей видимости, агенты Селевка активно действовали и в Приене, которая всегда находилась в оппозиции Лисимаха, склоняясь больше к Селевку, причем настолько открыто, что совет полиса даже приказал (правда уже в 281 г. до н. э.) установить конную статую Лариху, другу царей Селевка и Антиоха, а также одарить его всяческими налоговыми льготами (OGIS 215). Под большим влиянием Селевка находился и Эфес, где даже существовала проселевкидская партия (Polyaen. *Strat.* VIII. 57), но этот полис также находился в сфере интересов Антигонидов и Лагидов, поэтому здесь внутривителитическая борьба была крайне острой.

Весьма распространенным видом отношений между полисом и царской властью была так называемая *συνμαχία*, т. е. «союз»⁸¹. В источниках она чаще встречается как *συνμαχία καὶ φίλια*. Однако несмотря на столь «доброжелательный» термин, этот «союз» не был равноправным. Царь не просто является верховным собственником на землю, он вмешивается в некоторые внутренние дела полиса. В деле Аристоклика Антиох I предлагает ему выбрать город, находящийся в симмахии и в хоре⁸², к которому впоследствии будут присоединены его вла-

⁸¹ См. Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 131.

⁸² RC 11. 21–22: ἐν τῇ χώρᾳ τε καὶ συνμαχίᾳ. Примечательно, что соединительная конструкция *τε καὶ* свидетельствует об однородности сочетаемых элементов. В целом данная формула вызвала среди исследователей многочисленные споры по поводу статуса обозначенной территории. Некоторые полагали, что в данном случае обозначаются два типа полисов, находящиеся в зависимости от царской власти и в союзе с ней. Напротив Л. Кадетре считает, что «это царское выражение просто обозначает, что присоединение должно осуществляться в пользу города, пользующегося определенной автономией, выбранного среди городов, подчиненных власти Селевкидов. Выражение *chora te kai summachia* включает это отношение на двух дополнительных уровнях: господство на некой территории – термином *chora*, и юридическая формулировка отношений между городом

дения (RC 11). Далее, Аристоклид выбирает Илион в качестве того города, к которому присоединят его земли. После этого сатрап Мелеагр пишет в Илион о решении, а также предлагает проголосовать за данное присоединение и оказать Аристоклиду все почести, которые он сам пожелает (RC 13). Данный пример отлично иллюстрирует расположение сил в симмахии: царская власть, хоть формально и находится в союзе с полисом тем не менее диктует ему свою неуклонную волю. Учитывая то, что это событие датируется 275 г. до н. э., можно предположить, что примерно такая же ситуация существовала и в правление Селевка. В первые десятилетия государства Селевкидов города, в данном случае малоазийские, сохраняли определенную внутреннюю свободу, но находились под сильным политическим влиянием царской власти⁸³.

Некоторые города могли получить независимость (ἡ αὐτονομία) и свободу (ἡ ἐλευθέρια). Для времени войн диадохов это была достаточно распространенная практика. Мир 311 г. до н. э. провозглашает свободу и независимость для всех греков (RC 1. 53–56). Антигон Одноглазый также гарантирует Теосу свободу и независимость (RC 3. I. 89). Селевк же восстановил на Лемносе свободу и демократию (см. Phyl. FGtHist. 89. F. 29). Однако даже гарантии свободы, независимости или демократии являлись не более чем политическим рычагом для эллинистических царей, а в особенности для диадохов. Ведь в любом случае подтверждение или дарование таких привилегий подчеркивает определенную степень зависимости полиса от царской власти. Эта зависимость была прежде всего экономической. Л. Кадетре весьма убедительно показал, что дарование полису ἐλευθέρια καὶ αὐτονομία всегда сопровождалось предоставлением определенного набора экономических послабле-

и царской властью – понятием *summachia*». Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 196.

⁸³ Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 202–203.

ний, как правило, избавление от налоговых выплат в царскую казну. Но даже эти привилегии неизбежно ставили полис в экономическую, политическую и идеологическую зависимость от царской власти⁸⁴.

Определенным индикатором отношений между царской властью и полисом являлась интеграция городской земли в βασιλική χώρα. Отдельные участки городской земли находились в пользовании полиса, за что в царскую казну выплачивался определенный налог. Эти земли, принадлежавшие государству, безусловно, ставили полис, который мог пользоваться и налоговым послаблениями и иммунитетом от постоя, в определенную зависимость.

Особняком стоят восточные полисы. Появление первых из них мы относим ко времени соправительства Антиоха (295–281) первоначально в регионе Средней Азии, а в скором времени и на Западе державы. Полисы восточного типа находились под большим влиянием царской власти. Царь здесь выступал как верховный собственник на землю, предоставляющий гражданскому коллективу полиса право владения взамен на военную службу⁸⁵. Некоторые военные колонии «переросли» в полисы еще при жизни Селевка, как, например, Стратоникея в Карию. Существует плохо сохранившийся фрагмент письма Селевка этому городу (IK-Stratonikeia 1001), из которого понятно, что речь идет о каких-то земельных отношениях. Можно предположить, что данный полис также находился в определенной зависимости от царской власти, т. к. первоначально он был военной колонией (Στρατονίκεια δ'ἔστι κατοικία Μακεδόνων. Strabo. XIV. 2. 25). В таком случае можно еще одним примером подтвердить теорию Г.А. Кошеленко об одинаковой земельной системе

⁸⁴ Capdetrey L. *Le Basilikon et les cités grecques dans le royaume Séleucide* // *ΤΟΠΟΙ*. 2004. Suppl. P. 105–127.

⁸⁵ Кошеленко Г.А. *Греческий полис*. С. 230–231.

в полисах, основанных Селевкидами⁸⁶. Самым весомым аргументом в пользу этой теории является существование так называемого «закона о наследовании» из Дуры-Эвропос (PDura 12), который, хоть и сохранился в поздней версии уже римского времени, по-видимому, восходит к эллинистическому оригиналу. Этот документ предполагает в случае отсутствия родственников у умершего землевладельца-поселенца колонии переход его собственности царю, т. е. государству.

Старые восточные города, существовавшие при Ахеменидах, также были постепенно превращены в полисы. Однако во многих из них, как, например, в Вавилоне, полисом можно считать только обособленный греко-македонский костяк. Остальная же часть, состоявшая из местных жителей, продолжала жить в соответствии с уже сложившейся административной традицией.

IV.5.2. Этноты

Державу Селевка населяли различные народы, находящиеся в особых взаимоотношениях с центральной властью. Географические особенности территорий, которые они населяли, зачастую делали их в политическом смысле полунезависимыми от власти персидских царей или македонян. Этнос – важнейший и доминирующий элемент в социо-политической структуре государства Селевка. Интеграция многочисленных этносов в государственное пространство являлась одной из основных проблем для Селевка I. Пожалуй, самой распространенной формой интеграции этносов, находившихся на политической периферии государства, была обширная колонизация. Тем не менее Селевк, как и его предшественники, а по большому счету, и наследники, никогда не ставили своей задачей полное под-

⁸⁶ Согласно данной теории, царь являлся верховным держателем земли всех основанных колоний. *Кошеленко Г.А.* Греческий полис. С. 233.

чинение и политическое доминирование над этносами. Речь идет скорее о некоем диалоге, некоем сожительствовании, причем царская власть подтверждает в таком случае локальные политические традиции.

Само по себе восприятие территории государства как собрания многочисленных этносов восходит, безусловно, к Ахеменидской концепции царя как «царя стран» (*xšāyaθiya dahayūnām*). Этот эпитет широко представлен в официальной титулатуре персидских царей (DB I. 2; DNa; XPf; A3Pa).

Все этносы государства Селевкидов условно можно разделить на несколько категорий в зависимости от способа интеграции их в государственное пространство⁸⁷.

Ассимилированные этносы. Они составляли большую часть всех народностей и располагались непосредственно на внутренних территориях государства. Например, карийцы, по свидетельству Страбона (Strabo. XIV. 2. 25), жили союзом (*τό κοινόν*), который назывался Хрисоарийским, по всей видимости, по имени Зевса Хрисоарея, главного божества карийцев. Святилище этого бога располагалось в упоминавшейся уже Стратоникее в Карию. Стратоникейцы также принимали участие в союзе, хотя они не карийцы, но, как объясняет Страбон, владели селениями, входившими в этот союз. Это типичный пример подчинения и интеграции конкретно взятого этноса. Однако в Западной Малой Азии интеграция этносов проходила по уже намеченным еще со времен Ахеменидов принципам. Тем более, существенная связь полис–этнос, преобладавшая в регионе, и исторически сложившаяся эллинизация только способствовали этой интеграции.

Автономные народы обладали практически полной независимостью, признавая при этом верховную власть Селевкидско-

⁸⁷ Эту схему предложил Л. Кадетре. *Capdetrey L. Le pouvoir séleucide*. P. 104–110.

го царя. Наиболее известный пример – иудейский народ, который вошел в состав государства Селевкидов в 200 г. до н. э. Но, возможно, и в правление Селевка существовали некоторые автономные народы. Мы ничего не знаем о внутренней политической структуре таких этносов, но, скорее всего, они имели именно аристократическую форму правления⁸⁸. С царской администрацией местная знать общалась через посольства.

Третью группу составляют *периферийные* народы. Эти этносы находились не столько на географической, сколько на политической периферии. Таковыми в государстве Селевка были, например, горцы Писидии, кочевники Средней Азии. Степень интеграции этих этносов зависела скорее не от географической зоны их обитания, а от традиционных форм отношений конкретного народа с центральными властями⁸⁹. Одним из способов интеграции таких этносов стало продолжение политики Ахеменидов по созданию колоний.

Весьма примечательно, что армия Селевкидов была многонациональной. В нее зачастую входили представители тех народов, населявших страну в данный период времени, с которыми поддерживались подданнические отношения. Известно об участии в битве при Ипсе конных лучников, находившихся в войске Селевка (Diod. XX. 113. 4). По всей видимости, это были воины-кочевники из Средней Азии, где незадолго до этого Селевк провел достаточно успешную кампанию. Возможно, в ходе нее было заключено соглашение с несколькими периферийными народами, населявшими окраины государства. Скорее всего, как и во времена Ахеменидов, эти народы поставляли воинов в армию Селевка.

⁸⁸ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 154.

⁸⁹ Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 108.

IV.5.3. Династы

Особое положение в государстве Селевка занимали династы – локальные правители, находившиеся в определенной зависимости от центральной власти, но практически ничем не ограниченные в политическом аспекте. Первоначально статус всех диадохов, до принятия ими царского титула, напоминает статус именно династа, и только крупные военные победы позволили им стать царями⁹⁰. Поддержание власти местных династов было частью политики Ахеменидов. Особое значение приобретало сотрудничество с династами стратегически важных областей, как, например, Киликии⁹¹. В период правления Александра эта связь была потеряна. Договору с династами Александр противопоставлял собственную единоличную власть. Однако после его смерти и царившего определенное время политического хаоса отношения между македонянами и династами так и не сложились. В это время появляются македонские династы, которые, в отличие от туземных, основывали свою власть исключительно на праве завоевателя. По мнению Л. Кадетре, государство Селевкидов восприняло двойную традицию, во-первых, персидскую – поручение власти местным династам и, во-вторых, македонскую, основанную на принципах персональной власти на завоеванной территории⁹².

Интеграция династий в территорию эллинистического государства приводила к признанию ими верховной власти царя, как это было в персидской империи. Однако при определении статуса династа и в первую очередь его отношений с центральной властью, необходимо учитывать этническое происхождение династа, связи, которые он поддерживал с его собственной

⁹⁰ *Billows R.* Kings and Colonists. P. 88–89.

⁹¹ *Briant P.* Histoire de l'empire Perse. P. 514–515.

⁹² *Capdetrey L.* Le pouvoir séleucide. P. 114. Это создало в определенном смысле хрупкость власти Селевкидского царя.

территорией, формы и уровень его подчинения царской администрации⁹³.

Нам практически ничего неизвестно о династах в государстве Селевка I. Малая Азия, которая сочетала как полисы, этносы, так и династии, оставалась при Селевке достаточно «пестрой». В период войн диадохов в этом регионе правили несколько династов: Асандр, Плистарх, Эвполем, Птолемей, сын Лисимаха, Митридат. Пожалуй, еще при жизни Селевка династом Пергама стал Филетер, предавший Лисимаха и перешедший на сторону Селевка (Paus. I. 8. 1). Филетер был наполовину пафлагонец⁹⁴. Первоначально он находился в определенной зависимости от Селевка, хотя власть Филетера была персональной в рамках государства Селевка. После смерти царя его преемник Антиох не смог полностью подчинить себе династа, сохраняя за ним широкую автономию. В частности при Селевке I в Пергаме чеканились монеты от имени действующего царя (SC 1–2), при Антиохе I от имени царя Александра (SC 306–307) и царя Селевка (SC 308). После 274 г. до н. э. здесь появляется серия монет с легендой ΦΙΛΕΤΑΙΡΟΥ (SC 309). Племянник Филетера Эвмен, который наследовал династию после дяди, стал основателем могущественной эллинистической монархии Атталидов.

Известно еще об одной династии в правление Селевка – персидской. О персидском восстании при Селевке упоминает Полиэн (*Strat.* VII. 39). Примерно в это же время в регионе города Истахр начинается чеканка монеты с легендой на арамейском, принадлежащая некоему Багадату (Bagadata), который носит титул *frataraka*, т. е. «наместник». По всей видимости, Багадат был верховным жрецом храма огня в Истахре, а выпуск собственной монеты свидетельствует о политической независимости (возможно, временной) от Селевкидов. Когда впервые была

⁹³ Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 117.

⁹⁴ Billows R. Kings and Colonists. P. 104.

выпущена эта серия, неизвестно. Ф. Миттаг, проанализировав стилистические, иконографические и технические особенности монет всей династии, а также состав клада из Персеполя (IGCH 1797), где были найдены эти монеты, пришел к выводу, что выпуск монет начался, скорее всего, в 280 г. до н. э., т. е. после смерти Селевка⁹⁵. Б. Критт, доказавший, что тетрадрахмы Селевка из этого же клада принадлежат монетному двору Суз, подчеркивает, что восстание в Персии могло произойти ок. 295 г. до н. э.⁹⁶ О. Меркхольм, придерживается даты 290–285 для времени восстания⁹⁷. П. Кальери настаивает на том, что чеканка началась только в начале II в. до н. э.⁹⁸

Если совместить информацию Полиэна с данными нумизматики и политическим контекстом эпохи, то можно реконструировать события следующим образом. В 295 г. до н. э. царь Селевк назначает своего сына Антиоха соправителем и отправляет его в восточные сатрапии. Примерно в 295/294 г. до н. э. Антиох находится в Селевкии на Тигре, где санкционирует выпуск новой монетной серии «слоновые колесницы» (SC. 130). Деньги нужны Антиоху, скорее всего, для выплат войску. В это же время он посещает Вавилон, Борсиппу и другие святилища этого региона. После, примерно в 293 г. до н. э., такая же монетная серия чеканится в Сузах (SC. 177), из чего можно заключить, что Антиох лично посетил город, т. к. решать вопрос такой важности, как выпуск новой монетной серии не мог ни диоикет, ни сатрап, но только царь. Далее «слоновые колесницы» появятся в Бактрии (SC. 282), но уже в 285 г. до н. э. Возможно, в 293–290 гг. Антиох был занят подавлением мятежа в Персии, о котором пишет Полиэн, и

⁹⁵ *Mittag P.* Antiochos IV. Epiphanes. Eine politische Biographie. В., 2006. S. 312–313.

⁹⁶ *ESMS.* P. 135.

⁹⁷ *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. P. 74.

⁹⁸ *Callieri P.* L'archéologie du Fârs. P. 115–117.

который можно соотнести с попыткой установления независимости династией *frataraka*.

Багадат, как и его наследник Оборз, были религиозными и политическими лидерами одновременно. Возможно, поддержание доброжелательных отношений с Селевкидами было выгодно обеим сторонам. Династия *frataraka* признавала верховную власть Селевка. В свою очередь, царь, стараясь в целях предотвращения повторных восстаний и для интеграции династии в государственное пространство, мог вывести в эту область несколько колоний. Уже достаточно давно в соседствующих Сузах находился гарнизон, а сам город получил статус полиса, став Селевкий в Эвлее⁹⁹. К тому же Полиэн упоминает персидские катойки (*Strat.* VII. 40) и войска македонян и фесаллийцев, находившихся также в Персии (*Strat.* VII. 39), а Иоанн Малала (VIII. 18) повествует об основании Селевком поселений в Персии.

IV.5.4. Храмы

Важной задачей Селевка I была интеграция святилищ и священных участков в новое государственное пространство. Эта интеграция неизбежна приводила к утрате реальной автономии храмов. Союз с царской властью хоть и на правах «искусственной» автономии, как в случае и с полисами, влек за собой реальное подчинение и ставил храм в определенную зависимость. При этом стоит отметить, что многие святилища находились под контролем полисов или союзов этносов. В таком случае, как, например, с оракулом в Дидимах, отношения между Селевком и святилищем неизбежно шли через полис, в данной ситуации Милет. Однако полис мог выступать и как конкурент центральной власти при разделе сфер влияния. По-

⁹⁹ Новиков С.В. Юго-Западный Иран. С. 51.

этому для установления отношений с тем или иным святилищем требовалась весьма гибкая политика. К тому же интеграция святилищ имела важную идеологическую составляющую, т. к. поддержка крупнейших храмов (греческих и туземных) способствовала сближению царской власти с местными элитами. Л. Кадетре, поставивший в своей работе и проблему взаимоотношений Селевкидов с храмами, выделил несколько составляющих политики сирийских царей в отношении святилищ. В-первую очередь – это политико-религиозные традиции и формы отношений с центральной властью, характерные для каждого святилища. Во-вторых, различие между греческими и туземными святилищами, и, в-третьих, политический контекст: экономические и политические условия, в которых находилось святилище. Подводя итог своей мысли, Л. Кадетре отмечает, что политика Селевкидов в отношении храмов не была ни унифицированной, ни хаотичной. Все полностью адаптировалось под конкретную ситуацию¹⁰⁰.

Нам известны несколько святилищ, с которыми царь Селевк имел постоянные отношения. В первую очередь – это: храм Зевса Ольбиа в Киликии, храм Аполлона в Дафне (был основан самим Селевком), святилище Аида в Нисе, святилище Сирийской богини в Бамбике, вавилонские храмы, среди которых Эсангил, Эббабар и др., храм Окса в Бактрии (Тахти-Сангин).

Исходя из предположения Л. Кадетре, можно заключить, что Селевк I руководствовался именно этими факторами, т. к. его политика в отношении святилищ была крайне осторожной. Про вавилонские храмы речь пойдет дальше, а вот о малоазийских святилищах отметим следующее. Сразу же после падения власти Лисимаха царь Селевк подтвердил права убежища всех храмов, которые им обладали некогда. Это известно из письма Селевка некоему Сопатру – официальному чиновнику (RC 9). В виду того, что окончание надписи испорчено, понять, что конкретно

¹⁰⁰ *Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. P. 168–172.*

поручает царь Сопатру, невозможно. Возможно, речь идет о предоставлении права убежища и храму Аида и Персефоны в Нисе. Вероятно, позднее Антиох III подтвердил это право в своем послании городу (РС 43), но письмо, содержащее его, очень фрагментарно и прямого указания на это в нем нет.

По-особому складывались отношения у Селевка с храмами Вавилонии. Исторически в этой области храмы были крайне влиятельной силой. Храмовая община формировала гражданский коллектив городов, а храмовые органы управления являлись одновременно и городскими¹⁰¹. Однако термин Г.Х. Саркисяна «самоуправляющийся город» в Вавилонии фактически означает храмово-гражданскую общину, расположенную, например, в таком городе как Урук. Будучи еще сатрапом этой области, Селевк поддерживал хорошие отношения с местными храмами и старался не посягать на их автономию, сложившуюся на протяжении многих веков.

Война Селевка и Антигона за Вавилон (310–308) для храмов была временем упадка и разорения. Во время этого противостояния политика Антигона и его сына Деметрия была строго направлена на разграбление храмов. Незаконное изъятие ячменя и фиников, упомянутое в «хронике диадохов» и в астрономических дневниках, проводилось из храмовых хранилищ. Плтурах отмечает, что разграбление Вавилонии Деметрием как бы обратило область к Селевку. Однако в данной ситуации Селевк не мог оказывать никакой помощи святилищам. Скорее наоборот, в нужный момент именно вавилонские храмы поддерживали Селевка, снабдив его средствами для ведения войны. Так зародились взаимно дружеские отношения между Селевком и Вавилонскими храмовыми общинами.

Свои отношения с вавилонскими храмами Селевк выстраивал бинарно: с одной стороны, он всячески поддерживал

¹⁰¹ См. *Саркисян Г.Х.* Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1952. №1. С. 68–83.

святилища и, возможно, в отличие от поздних Ахеменидов и Александра, принял титул «царя Вавилона»¹⁰², с другой же, различными способами старался ограничить автономию храмов. Наиболее решительной мерой стала постройка Селевкии на Тигре, что ставило под удар экономическое доминирование вавилонских святилищ. Селевкия на Тигре, изначально планировавшаяся как царский город, была основным конкурентом старых торговых центров (Вавилон, Урук, Ур), которые в скором времени отошли на второй план, уступив лидерство новой восточной столице¹⁰³.

Второй способ интеграции храмов – это эвергетизм, который практиковали Селевкиды в отношении храмов Вавилонии. Безусловно, он свидетельствует о некоей степени зависимости святилищ от царской власти. Как и в случае с малоазийскими полисами, царский эвергетизм подчеркивает ограничение автономии. Чаще всего он выражался в подарках и подношениях, но и в более идеологически важном ритуале «восстановления храма» (ВСНР 5; 6).

Храмы имели собственное управление и администрацию. Во главе храмовой общины в Вавилонии стояли *šatammu* (первосвященник) и *kiništu* (совет). Сношения с царской властью осуществлялись через посольства и специального чиновни-

¹⁰² В клинописном тексте больше известном как «Цилиндр Антиоха» сын Селевка Антиох именуется «царем Вавилона», что, по мнению некоторых ученых, может свидетельствовать, о том, что и Селевк обладал подобным титулом. См. *Capdetrey. L. Le pouvoir séleucide. P. 179. Not. 84; Sherwin-White S. Aspects of Seleucid Royal Ideology. К слову, титул «царь Вавилона» при Ахеменидах последний раз фиксируется при Артаксерксе I, т. е. в середине V в. до н. э. Поэтому восстановление его имело поистине гигантское идеологическое значение. См. *Kuhrt A., Sherwin-White S. Xerxes' Destruction of Babylonian Temples // AchHist. II. 1987. P. 72–73.**

¹⁰³ Отметим, что интеграция полисов в пространство старых городов относится к более позднему периоду – правлению Антиоха IV.

ка – *paqdu*, который был посредником между царем и вавилонскими храмами. По мнению Г.А. Кошеленко, «с точки зрения отношений собственности, вавилонская гражданско-храмовая община находилась в более привилегированном положении, чем типичный эллинистический полис», т. к. верховным собственником на землю оставалась община, а не царь¹⁰⁴. С этим суждением трудно спорить, однако в раннеэллинистический период храмы находились в зависимости от царской власти и, более того, имели место посягательства на их экономическую автономию. При Селевке I храмовые земли облагались налогами¹⁰⁵, причем фиксируется даже пятидесятипроцентный налог с урожая¹⁰⁶, что не может не свидетельствовать о зависимости храма от центральной власти. Вавилонские храмы были вторым после царя землевладельцем региона, поэтому, вполне вероятно, Селевк мог претендовать на них, как он посягал на городские земли, однако быть полностью в этом уверенным невозможно¹⁰⁷.

В данном контексте уместно рассмотреть одну надпись из Ликии, относящуюся ко времени соправительства Антиоха I и его сына Селевка (273–267 гг. до н. э.). Надпись сделана на мраморном межевом столбе и имеет следующее содержание: «границы теменоса Аполлона Тумунда, куда доходы отдали цари Антиох и Селевк богу» (SEG XXXV. 1170). В данном случае имеются в виду доходы святилища. Установка межевого камня свидетельствует о неком земельном споре, решенном в итоге в пользу святилища. Но обращает на себя внимание тот факт, что именно центральная администрация занимается урегулированием этого вопроса.

¹⁰⁴ Кошеленко Г.А. Греческий полис. С. 244.

¹⁰⁵ Spek R.J. van der. Land Ownership in Babylonian. P. 194–195.

¹⁰⁶ Spek R.J. van der. New Evidence on Seleucid Land Policy // De Agricultura. Amsterdam, 1993. P. 65.

¹⁰⁷ Spek R.J. van der. New Evidence on Seleucid Land Policy. P. 67.

Посягательства на права общины были вызваны в первую очередь потребностью в средствах на ведение войны. К 306 г. до н. э. под контролем Селевка находились регионы, которые не могли полностью обеспечить его необходимыми средствами. Поэтому он вынужден был посягнуть на права храмов (причем это не вызвало особого сопротивления) и ужесточить налоговый гнет. Впоследствии вавилонские храмы были буквально обласканы Селевкидами. Многочисленные подарки и вложения осуществлялись царями династии исключительно в политических интересах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

От государства Селевка к государству Селевкидов

Начальный период формирования государства Селевкидов полностью укладывается в правление его основателя – царя Селевка I, образуя тем самым целостный этап истории этого государства. Держава Селевка, впрочем, как и другие государства диадохов, – явление временное, промежуточное, так как те эллинистические монархии, которые одну за другой покорила могущественная Римская республика, уже в известной степени отличались от того первоначального варианта государственности, который был заложен диадохами. Структурные изменения, постоянно происходившие в эллинистических державах, а также упорное нежелание организовать альянс против Рима в итоге сделали их «беспомощными» перед лицом столь серьезной опасности. Как в свое время отметил К.К. Зельин, «каждая из эллинистических стран имела свои особенности, обусловленные всей предшествующей и своеобразной историей, однако... они оказываются тесно связанными друг с другом и в экономическом, и в политическом отношении»¹.

Для понимания любой раннеэллинистической государственности, в том числе и селевидской, важно отметить колоссальную роль личности царя-основателя. В политическом смысле государство Селевка было очень похоже на другие эллинистические образования: державу Антигона, Египет Птолемея или

¹ *Зельин К.К.* Основные черты эллинизма. С. 146.

Македонию Кассандра. Рассматривая первые войны диадохов, мы говорим о войнах полководцев, друзей Александра. Кажалось бы, что после 306/5 года, когда все оставшиеся на тот момент в живых диадохи приняли царские титулы, эти войны стали столкновениями уже целых государств. Но древние авторы всегда воспринимали эти события как войны наследников Александра. Ведь государство и царь в эллинистическом мире по сути понятия тождественные. К характеристике раннеэллинистической царской власти фраза Людовика XIV «Государство – это я!» подходит как нельзя лучше. Царь персонифицировал собой государство и не просто представлял его от его имени на международной арене, а стоял во главе государственной машины, руководил экономикой.

Царская власть в государстве Селевка носила персональный характер. Она основывалась исключительно на личных качествах самого царя. Важнейшим условием существования царской власти было *право победителя*. Первыми диадохами, принявшими царский титул, были Антигон и его сын Деметрий, которые стали называть себя царями после победы при Саламине над флотом Птолемея (Plut. *Dem.* 18). Формирование территории государства Селевка происходило в соответствии с неписанным «правом копья». Эти факторы подчеркивают военную природу всех эллинистических монархий. Царскую власть Селевка и последующих Селевкидов можно обозначить как *военную монархию*. Главными характеристиками ее являются два фактора: во-первых, крепкая связь между царской властью и войском, и, во-вторых, необходимость силой удерживать территориальную целостность государства. Безусловно, такое положение вещей не могло не создать особых отношений между царем и полководцами. Войско зависело от царя в той же степени, в какой сам царь зависел от войска. Поэтому основные средства и Селевк, и все диадохи тратили на содержание войска².

² *Aperghis G.* The Royal Seleukid Economy. P. 189–205; *Austin M.M.* Hellenistic Kings, War and Economy. P. 460–461.

Из политической биографии Селевка I видно, что зарождение эллинистических монархий сопровождалось постоянными войнами. В этих условиях важнейшей задачей царской власти стало сохранение собственной независимости. Война как государствообразующий фактор повлияла на формирование всех сфер государственной жизни. Политическая борьба диадохов оказала большое влияние на характер власти, которая приобрела выраженные черты *военной монархии*.

Одним из условий сохранения царской власти для диадохов стало создание новых царских династий. В целом практически всех их объединяло введение института соправительства, когда будущий наследник привлекался к управлению страной еще при жизни царя-отца. Однако у Селевкидов были некоторые особенности династической политики. В частности, Селевк активно использовал династические браки в политических целях. Его первая жена Апама была дочерью знатного бактрийца Спитамена (Агг. *Anab.* VII. 4. 6). Их сын и будущий наследник Антиох был, таким образом, наполовину иранцем и родственником некоторым бактрийским знатым родам, что, в конечном счете, сыграло важную роль в становлении власти Селевкидов в Средней Азии. Вторая его жена была внучкой Антипатра, влиятельного полководца времени начала войн диадохов. Также Селевк повсеместно привлекал родственников к управлению страной.

Как любой эллинистический монарх, царь Селевк олицетворял собой государство. Он осуществлял верховное руководство всеми отраслями своей державы. При царе существовал двор, состоящий из родственников царя и придворных, которые также были привлечены к управлению страной. Особое место среди придворных царя занимали так называемые «друзья» – древний индоевропейский институт. «Друзья» составляли совет, совещательный орган при царе, который, впрочем, в период раннего эллинизма утрачивает свои полномочия. Также при царе существовала царская канцелярия.

Территориально-административное деление государства Селевка I на сатрапии было заимствовано у Ахеменидов. В

основу его был положен экономический принцип раздела на податные зоны в соответствии с объемами ресурсов того или иного региона. В свою очередь сатрапии подразделялись на более мелкие административные единицы, которые могли иметь не просто разные названия, но и разные институты управления, законы, традиции, денежные системы. Практика сохранения их была также унаследована у Ахеменидов. Региональные чиновники высшего уровня были представлены должностями сатрапа и стратега. Сферы их полномочий окончательно не установлены, но можно отметить, что стратег ведал военными делами, а сатрап гражданскими, хотя имеются случаи исполнения обеих должностей одним лицом. Чиновники уровнем ниже представлены многочисленными должностями, традиционными для того или иного региона.

Одной из важнейших сфер жизни государства Селевка являлась царская экономика. Для нее были характерны следующие явления: во-первых, *максимизация доходов*, которая выразилась в обложении налогами любой коммерческой активности населения. Основные доходы Селевка составляли налоги с сельского хозяйства и ремесла, пошлины с провоза и продажи товаров и рабов, разработки природных ресурсов, а также чрезвычайные доходы (военная добыча). Часть налогов собиралась нечеканным серебром, постепенно переходя на сбор монетой, другая же, как и при Ахеменидах, – натуральными продуктами. Во-вторых, *монетизация экономики*, вызванная необходимостью регулярных выплат войску. Ей способствовал и начавшийся процесс колонизации внутренних районов государства. С выводом новых колоний появляются рынки, налаживаются торговые связи между колониями, что способствует развитию товарно-денежных отношений. При Селевке произошли некоторые изменения в финансовой администрации. Главой финансового ведомства стал царь, а экономические функции сатрапов персидской империи перешли диюкету – высшему финансовому чиновнику сатрапии. Диюкету были подчинены ойконом, ведавший операциями с царской землей, и эклогист,

собиравший налоги на уровне гипархии. Возможно, некоторые вопросы финансового характера решал эпистат, представитель царской власти в городах, а также некий чиновник, известный из вавилонских документов как *paqdu*, который представлял в храмах. Для монетной политики Селевка характерно открытие большого количества монетных дворов, монетно-весовой дуализм некоторых монетных эмиссий, ориентация на выпуск мелкого разменного серебра.

Весьма характерным явлением для первых эллинистических царей и особенно для первых Селевкидов была активная колонизация. Создание большого числа колоний стимулировало не только политическую, но и в некотором роде экономическую стабильность. Хронологически колонизационную политику Селевка можно условно разделить на два этапа. На первом (до 301 г. до н. э.) царь Селевк не вел активной постройки колоний, т. к. не располагал достаточным людским ресурсом. Поселенцами колоний этого времени становятся в основном ветераны его армии. На втором этапе (после 301 г. до н. э.) начинается оживленное строительство многочисленных колоний, вызванное присоединением Сирии, через которую переселенцы из балканской Греции попадали во внутренние районы державы. Основными регионами колонизации стали Сирия, Месопотамия, Бактрия, Парфия, Сузиана, Персида.

Колонии выводились на торговых путях, в пограничных зонах или в политически нестабильных регионах. Первые колонии Селевка были военными поселениями, некоторые из которых, впрочем, уже к концу жизни царя стали полисами. Население таких колоний состояло из отставных воинов. Колонисты получали земельные наделы пропорционально воинскому званию. Колонии имели большое экономическое значение. Они способствовали развитию торговли и ускоряли монетизацию экономики.

Колонизация оказала большое влияние на социальное формирование государства Селевкидов. Греко-македонский элемент

занял позицию «доминирующего этно-класса»³, сосредоточив все государственное управление в своих руках. Однако влияние местных негреческих элит продолжало оставаться достаточно значительным. Процесс интеграции этих элит в «доминирующий этно-класс», начавшийся еще при Селевке, сопровождался, с одной стороны, «эллинизацией» туземных элит, с другой – «варваризацией» греко-македонского населения.

* * *

Мы уже не раз отмечали, что при создании своего государства Селевк повсеместно опирался на политический опыт предшественников: Ахеменидов, царя Филиппа II и Александра. В политике любого эллинистического правителя можно обнаружить как восточные, так и западные черты. Но в данном случае они наиболее очевидны. Это влияние прежних традиций лучше всего прослеживается именно в период формирования государства, т. к. собственный опыт новой царской династии был еще настолько ничтожен, что можно с большой долей вероятности отделить новую эллинистическую практику от предшествующей персо-македонской.

История эллинистических государств – это история их правителей, с каждым из которых древние авторы ассоциировали некую ступень развития того или иного эллинистического царства. При этом ко времени правления наиболее ярких царей (Антиох III, Филипп II, Птолемей IV) они относили расцвет эллинистических монархий, а к царствованию невзрачных и невыразительных личностей – их якобы упадок. В свою очередь диадохи в данной ситуации стоят особняком. Их исторический авторитет, казалось бы, оставался и остается непоколебимым, ведь, несмотря на все личные достоинства и недостатки, они стояли у истоков этих государств.

³ Briant P. Colonisation hellénistique et population indigenes I. P. 92. Ср. Кошеленко Г.А. Греческий полис. С. 225.

Как метко отметил П. Левек, история государства Селевкидов, по сути, это история его распада⁴. Из всех эллинистических государств, пожалуй, только держава Селевкидов так часто и столь масштабно менялась в своих границах, что каждый новый царь получал в действительности новое государство, территориально не похожее на государство его предшественника. Но дело здесь не в глобальных территориальных изменениях, а в том, что для царей династии Селевкидов они стали некой нормой, привычной особенностью существования их монархии. И для последующих поколений Селевкидов военный характер царской власти, как и при диадохах, был весьма актуален. Прекрасным примером тому является практика «Восточных походов», поддержанная большей частью Селевкидских царей. Многие из опыта Селевка I было унаследовано его потомками. Например, соправительство, характерное, впрочем, для всех эллинистических государств. Этот институт был настолько востребован, что фактически просуществовал до самого падения династии.

Эпоха, породившая государство Селевкидов, была временем постоянных войн и конфликтов. Из пяти диадохов, некогда провозгласивших себя царями, сохранили собственные государства только Птолемей и Селевк. Главной особенностью большинства диадохов было стремление к крепкой царской власти, что можно назвать характерной чертой раннеэллинистических монархий. Для государства Селевка не были свойственны развитый бюрократический аппарат, четкое разделение властей и полномочий чиновников, а также повсеместное слияние греко-македонской верхушки общества с местной знатью. Все это возникнет позднее, как и синкретическая эллинистическая культура и религия, как и уникальная для Селевкидов традиция «Восточных походов».

⁴ Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 36.

Потомки царя Селевка, проведя множество преобразований во всех отраслях жизни, все дальше и дальше отходили от образца государства Селевка I. Наследник Селевка I – его сын Антиох I – сильно изменил облик державы своего отца и задал основные политические направления государства на последующие сто лет. Своей столицей Антиох назначил Антиохию на Оронте. Также он создал культ царя Селевка, положив тем самым начало царского династического культа. На его монетах впервые появляется впоследствии самый распространенный сюжет всех Селевкидских монет – Аполлон, сидящий на омфале. Антиох продолжил колониальную политику своего отца, но в гораздо более скромных масштабах. Его наследники постепенно будут сокращать масштабы колонизации, а после Антиоха IV (175–164 гг. до н. э.) Селевкиды вовсе перестали выводить колонии. Наиболее существенным для Антиоха I является смена внешнеполитического вектора и концентрация внимания исключительно на западном направлении. Все войны, которые вел Антиох, проходили либо в Малой Азии, либо в Сирийско-финикийском регионе. Однако деятельность всех последующих поколений царей династии Селевкидов основывалась на политическом опыте, некоей прочной основе, которую в период войн диадохов или период «перехода» создал основатель династии – Селевк I Никатор.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	Вестник древней истории
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск
AADB	Ancient Aramaic Documents from Bactria // Ed. by <i>J. Naveh, Sh. Shaked</i> . 2008.
AAntHung	Acta Antica Academiae Scientiarum Hungaricae
ABC	<i>Grayson A.K.</i> Assyrian and Babylonian Chronicles. NY., 1975
AchHist	Achaemenid History
ADRTB	<i>Sachs A.J., Hunger H.</i> Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. T. I. Wien, 1988
AJPh	American Journal of Philology
AncSoc	Ancient Society
Babelon	<i>Babelon E.</i> Les rois de Syrie d'Arménie et de Com-magène. P., 1890
BCH	Bulletin de correspondance hellénique
BCHP	<i>Finkel I., van der Spek R.J.</i> Babylonian Chronicles of the Hellenistic Period (www.livius.org)
BiOr	Bibliotheca Orientalis
BSOAS	Bulletin of the Society of Oriental and African Studies
CAH ²	The Cambridge Ancient History. 2 nd ed. 1984

298	<i>C.B. Смирнов. Государство Селевка I</i>
CHI	The Cambridge History of Iran. 1985
CPh	Classical Philology
CQ	Classical Quarterly
CRAI	Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
CWASBM	Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum // Ed. <i>T.C. Mitchell, A. Searight</i> . Leiden–Boston, 2008.
Del Monte	<i>Del Monte G.F.</i> Testi dalla Babilonia Ellenistica. Roma–Pisa, 1997.
DHA	Dialogues d'histoire ancienne
ESM	<i>Newell E.T.</i> The Coinage of the Eastern Seleucid Mints: from Seleucus I to Antiochus III. NY., 1938
ESMS	<i>Kritt B.</i> The Early Seleucid Mint of Susa. Lancaster, 1997
FGrHist	<i>Jacoby F.</i> Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin–Leiden, 1923–1958.
IDidyma	<i>Rehm A.</i> Didyma II: Die Inschriften. B., 1958
IEJ	Israel Exploration Journal
IErytrai	<i>Engelmann H., Merkelbach R.</i> Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai. Bonn, 1972–1973.
IGCH	An Inventory of Greek Coin Hoards // Ed. <i>M. Thomson, O. Mørkholm, C.M. Kraay</i> . N.Y., 1973.
IK-Stratonikeia	<i>Şahin M.C.</i> Die Inschriften von Stratonikeia. Bonn, 1981–1990.
IMilet	<i>Rehm A.</i> Die Inschriften von Milet. Hft. III. 1914. Bd. VII. T. 1. 1997.
IPriene	<i>Hiller von Gaertringen F.</i> Die Inschriften von Priene. B., 1906.

JAs	Journal asiatique
JCS	Journal of Classical Studies
JESHO	Journal of the Economic and Social History of the Orient
JHS	The Journal of Hellenic Studies
JNES	Journal of Near Eastern Studies
JSS	Journal of Semitic Studies
MC	<i>Glassner J.-J.</i> Mesopotamian Chronicles. Leiden–Boston, 2005.
NC	Numismatic Chronicles
OGIS	<i>Dittenberger W.</i> Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Lpz, 1903–1905
Price	<i>Price M.J.</i> The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. Vol. 1–2. Zurich–London, 1991.
RA	Revue d’assyriologie et d’archéologie orientale
RC	<i>Welles C.B.</i> Royal Correspondence in the Hellenistic Period: A Study in Greek Epigraphy. L., 1934.
RE	<i>Pauly A., Wissowa G., Kroll W.</i> Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1984–1978
REA	Revue des études anciennes
RN	Revue de numismatique
RSI	Rivista Storica Italiana
SATHSM	<i>Wallenfels R.</i> Seleucid Archival Texts in the Harvard Semitic Museum. Groningen, 1998.
SC	<i>Houghton A., Lorber C.</i> Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Lancaster–London, 2002
SCB	<i>Kritt B.</i> Seleucid Coins of Bactria. Lancaster, 1996
SHC	Studies in Hellenistic Civilization